

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Следственные ошибки в системе уголовно-процессуальной деятельности»

Обучающийся

Э.Ш. Искандаров

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, Н.А. Блохина

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Теоретические вопросы феномена следственных ошибок	8
1.1 Понятие следственных ошибок, их взаимосвязь с уголовно- процессуальной деятельностью	8
1.2 Классификация следственных ошибок	17
1.3 Природа следственных ошибок. Разновидности причин, их вызывающих	24
Глава 2 Контроль и надзор как механизмы предотвращения, выявления и устранения следственных ошибок	31
2.1 Ведомственный контроль за уголовно-процессуальной деятельностью и его значение в минимизации следственных ошибок .	31
2.2 Прокурорский надзор как механизм минимизации следственных ошибок	43
Глава 3 Судебная деятельность как механизм выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок	56
Заключение	67
Список используемой литературы и используемых источников	72

Введение

Человечество во многих сферах своей деятельности стремится избежать ошибок. Особенно такое стремление проявляется в тех сферах и направлениях деятельности, в которых может подвергнуться опасности жизнь и здоровье человека, причинён вред имущества и окружающей среде. Не менее важной является и такая сфера человеческой деятельности, как расследование уголовных дел и осуществление правосудия по таким делам. Итогом уголовного судопроизводства всегда должно быть установление лица виновного в совершении преступления (если такое преступление имело место) способом и при помощи сил и средств, предусмотренных законом и применение к нему справедливого наказания. Однако, такие обязанности возложены на человека, который по своей природе в силу причины субъективного и объективного характера допускает ошибки. В связи с этим, возникает феномен невозможности абсолютного избавления от ошибок при производстве расследования по уголовным делам (следственных ошибок), при одновременной необходимости стремления максимально возможного исключения совершения такой ошибки.

В целом, правовые гарантии и механизмы исключения допущения следственных ошибок и их исправления, если такие ошибки были допущены, предусматривается уголовно-процессуальным законодательством. Как известно, с момента принятия УПК РФ в последний раз было внесено множество изменений, кардинально меняются правила производства следственных действий, постоянно совершенствуется (и вместе с тем, видоизменяется) порядок производства отдельных следственных действий, принятия процессуальных решений, изменяются правила производства.

Всё это обстоятельство само по себе влечёт за собой изменение устоявшейся практики применения таких норм, а значит создаёт «благоприятные» условия для допущения следственных ошибок. Кроме того, обозначая значимость категории «следственные ошибки», отметим, что такие

ошибки и недопущения на досудебной стадии могут влечь за собой и совершение судебной ошибки, поскольку и суд, и государственный обвинитель, и сторона защиты во многом исследуют обстоятельства совершённого преступления именно по материалам уголовного дела. Кроме того, даже выявленную ошибку, допущенную на стадии досудебного следствия далеко не всегда возможно исправить на судебных стадиях уголовного процесса или в ходе осуществления прокурорского надзора.

Также отметим, что одним из основополагающих принципов уголовного судопроизводства является принцип законности, смысл которого заключается в том, что следователь, дознаватель, прокурор, суд и другие участники уголовного судопроизводства должны действовать в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законом, а также другими нормативно-правовыми актами, но только в том случае, если последние не противоречат положениям первого.

Однако, как любой другой принцип, принцип законности – это некоторая декларация, определяющая наиболее желаемый результат и одновременно с этим, требование к общественным отношениям в данной сфере, который на практике реализован далеко не всегда. Одной из распространённых причин его нарушения является совершение участниками уголовного судопроизводства ошибок, влекущих нарушения требований закона и все вытекающие из него последствия. Кроме того, ошибки участников уголовного судопроизводства, в зависимости от их содержания, характера и стадии, на которой последние были допущены, могут иметь в качестве последствий нарушение других основополагающих принципов уголовного судопроизводства, прав и свобод его участников (прежде всего потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого).

В научной и учебной литературе, а также в самом уголовно-процессуальном законе уделено достаточно большое количество внимания тому, как бороться со злонамеренными нарушениями законности при производстве по уголовному делу. Его рассмотрении в суде, с нарушениями

прав, свобод и законных интересов его участников. Однако практически не уделяется внимание вопросам предотвращения (профилактики) совершения ошибок, принятия неправильных (не в соответствии с законом) решений.

Выделяют различные виды ошибок, например, ошибки по признаку субъекта их совершающего. Такими ошибками могут быть следственный ошибки (ошибки предварительного расследования), судебные ошибки, ошибки стороны защиты и прочие. Особое опасение, как уже указывалось, вызывают и имеют наиболее неблагоприятные последствия ошибки следственные.

Вышеуказанное обстоятельство формирует соответствующий запрос на исследование темы следственных ошибок в уголовном судопроизводстве, поиск путей и способов их недопущения (предупреждения, профилактики) и своевременного исправления, то есть совершенствования соответствующего сегмента уголовно-процессуального законодательства.

Отметим, что тематика следственных ошибок и ошибок в уголовном процессе в целом (уголовно-процессуальных ошибок) на протяжении последних десяти лет несколько раз была предметом исследования учёных.

Также отдельное внимание необходимо обратить на научные труды таких учёных как И.Н. Балашова, М.Е. Пучковская, А.Ю. Карташовой в которых вопросы уголовно-процессуальных ошибок рассматривались фрагментарно.

Что касается предметных исследований, посвящённых именно следственным ошибкам, то необходимо выделить труды таких учёных в сфере уголовного процесса и криминалистики, как А.А. Аубакирова, В.А. Азаров, Т.А. Беккер, А.А. Барыгина, О.Я. Баев, Р.С. Белкин, Ю.П. Боруленков, С.В. Дегтярев, А.Д. Назаров, И.Л. Старикова, А.Ю. Решетников, Н.А. Степанова, О.А. Сычёва, С.В. Шевченко, И.В. Посохина, В.Г. Данакари, Д.Ю. Меликян, С.А. Шейфер и других.

Подводя итоги данного вопроса, отметим, что, в целом, несмотря на периодически проявляющийся научный интерес к тематике следственных

ошибок в уголовном судопроизводстве России, до настоящего времени полноценная концепция следственных ошибок при производстве по уголовному делу не сформирована, в связи с чем, отсутствует системный подход к их предотвращению.

Объектом исследования в данной работе является процесс предварительного расследования преступлений, на качестве которого и отражаются допущенные ошибки.

Предметом исследования являются следственные ошибки, причины их образования, а также возможности исправления и преодоления последствий их совершения.

Целью данного исследования является поиск путей и способов совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части правового регулирования недопущения (предупреждения) и исправления следственных ошибок и их последствий.

В соответствии с поставленной целью определены его следующие задачи исследования:

- определить понятие следственных ошибок;
- определить и проанализировать виды следственных ошибок;
- выявить и охарактеризовать причины следственных ошибок;
- рассмотреть вопросы ведомственного контроля за расследованием как средство выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок;
- охарактеризовать прокурорский надзор как средства выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок;
- проанализировать систему судебного контроля как средства выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок.

Нормативную основу исследования составили Конституция РФ, УПК РФ, федеральные законы о внесении изменений в УПК РФ, ведомственные нормативные акты органов предварительного следствия, регулирующих

вопросы ведомственного контроля за качеством досудебного следствия, соответствующие нормативно-правовые акты в системе органов прокуратуры.

Теоретическую основу исследования составили труды таких учёных, как, А.Н. Ахпанов, В.Р. Ахмеджанов, Б.Б. Булатов, Б.Т. Безлепкин, В.М. Быков, Д.В. Бахтеев, Е.Н. Бушковская, Т.А. Беккер, Ю.П. Боруленков, В.И. Власов, А.Ю. Головин, Б.Я. Гаврилов, В.В. Горюнов, Ю.А. Головачев, С.В. Дегтярев, В.Д. Дармаева, О.В. Захарова, В.И. Зажицкий, О.Р. Идрисов, Е.А. Карякин, А.Л. Пермяков, С.В. Слинько, Ю.А. Цветков, А.Д. Назаров и других.

Значительное внимание теории и практики предотвращения следственных ошибок уделяется и в зарубежных источниках [64], [65], [66], [67], [68].

Структура исследования обусловлена поставленной целью и задачами и состоит из введения, основной части, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретические вопросы феномена следственных ошибок

1.1 Понятие следственных ошибок, их взаимосвязь с уголовно-процессуальной деятельностью

В рамках данного подраздела будет предпринята попытка дать определение такой категории, как следственная ошибка, что, как представляется, невозможно без познания сущности данного явления. В связи с этим, необходимо отметить, что полностью избежать следственных, как и других ошибок в уголовном процессе невозможно.

В подтверждение данной позиции процитируем Ю.А. Цветкова, по мнению которого необходимо отходить от «утопических представлений о том, что следственные ошибки когда-либо будут полностью искоренены. Вместе с тем принимая во внимание тренд на улучшение качества предварительного следствия, выражаем осторожный оптимизм по поводу того, что количество следственных ошибок продолжит сокращаться» [59, с. 56]. В свою очередь, как отмечает учёный, «что касается ошибок, возникающих в результате сложных следственных ситуаций или появления новых правовых институтов, то избежать их полностью невозможно. Ряд из них можно заблаговременно спрогнозировать, но далеко не все. Большее, чего мы сможем добиться, - это своевременно выявлять их и доводить до сведения максимально широкого круга следователей. Ведь как сказал другой выдающийся юрист Марк Туллий Цицерон *Errare humanum est, stultum est in errore perseverare* – Человеку свойственно ошибаться, но глупо упорствовать в своих ошибках» [63, с. 17].

Другой учёный А.Д. Назаров отмечает, что «феномен ошибки в том и состоит, что, несмотря на их вечное присутствие (общеупотребительными постулатами являются фразы «не ошибается тот, кто ничего не делает», «каждый имеет право на ошибку» и т.п.), следственная деятельность должна стремиться к безошибочности. И несмотря на то, что в уголовно-процессуальном законодательстве термин «следственная ошибка» не

употребляется, этот термин занял прочное место в трудах ученых и лексиконе практических работников» [29, с. 64].

Как отмечает Т.А. Беккер, при «успешном прохождении уголовного дела (с допущенными ошибками предварительного следствия и дознания) через контрольные органы, оно переходит в судебное производство, где главной задачей суда как на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, так и непосредственно при проведении судебного следствия, является распознавание и ликвидация ошибок, допущенных на предварительном производстве, во избежание их дальнейшего тиражирования» [5, с. 12].

При этом «категория «ошибка» поглощает в себе разнохарактерные нарушения должностных лиц предварительного следствия, но не ограничивается и не тождественна последним, поскольку:

- всякое нарушение (независимо от того, является ли оно в силу закона существенным или нет), допущенное на предварительном производстве, резко повышает вероятность принятия судом неправосудного акта;
- нарушения закона, чаще всего, выражаются в действиях, или бездействиях должностных лиц уголовного производства, они не всегда находят фиксацию в процессуальных актах, в отличие от ошибок, однако, в большинстве случаев, служат их источником» [5, с. 13].

«Ошибки, допущенные в стадии предварительного производства, в большинстве случаев, ведут, во-первых, к вынесению необоснованных и незаконных процессуальных актов (к примеру, постановлений, предусмотренных ст. 439 УПК РФ), и, как следствие, неправосудных итоговых судебных актов; во-вторых, они продуцируют появление недостоверных, недопустимых и недостаточных в своей совокупности доказательств по уголовному делу; в-третьих, неизменно приводят к нарушению прав и свобод участников уголовного судопроизводства» [13, с. 16].

«При этом, недостоверные и недостаточные доказательства по уголовному делу, являясь основой процессуальных актов должностных лиц предварительного производства, зачастую подтверждают мнимые обстоятельства, несоответствующие фактическим, и, наряду с нарушениями предусмотренного законом порядка оформления процессуальных актов, множат следственные ошибки. Только своевременное выявление и устранение ошибок предварительного производства, сначала прокурором, а затем и судом, в рамках предусмотренных законом возможностей, может пресечь их трансформацию в судебные» [48, с. 12].

Представляется, что, изучая корреляцию ошибок предварительного и судебного производства, не стоит игнорировать порой продуцирующую судебные ошибки, законную деятельность дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника отдела дознания, руководителя следственного органа и прокурора, осуществляемую в ходе предварительного уголовного производства.

Далее непосредственно обратимся к формулировкам определения следственных и уголовно-процессуальных ошибок, которые приводятся различными авторами.

Так, С.В. Слинько уголовно-процессуальную ошибку определяет «как неправильность, неточность, погрешность, неверную мысль, неправильное действие или бездействие. Ошибки в уголовном процессе, как показывает практика, имеют место при выдвижении версий, принятии процессуальных решений, производстве процессуальных и следственных действий» [50, с. 170]. В целом, с данной позицией необходимо согласиться, ошибка, по своему существу неверный выбор способа поведения (действия или бездействия, промедление с тем или иным действием и т.п.). В данном случае предложен «широкий» подход к пониманию уголовно-процессуальной ошибки.

В целом, обозначенный подход не исключает определения в качестве ошибок и действия стороны защиты, например, когда защитником

пропускается срок подачи жалоб или ходатайств, непреднамеренно нарушаются обязательства подозреваемого или обвиняемого связанные с соблюдением возложенных на него ограничений. Как правило, негативные последствия совершения ошибки на себе несёт та сторона, которая такую ошибку допустила. Если же ошибка допущена следователем при производстве предварительного следствия, то есть имеет место следственная ошибка, то негативные последствия на себе может испытывать вся сторона обвинения в целом. Иными словами, вина и недочёты конкретного должностного лица могут послужить в качестве причины того, что лицо совершившее преступление, уйдёт от заслуженного наказания.

Очевидно, что обозначенный подход, который в целом верен, требует своей конкретизации применительно к более «узкой» категории следственные ошибки, которые соотносятся как целое и часть.

Б.Т. Безлепкин предлагает следующую концепцию следственной ошибки. Учёный предлагает определить её как «неправильное восприятие ситуации во время производства какого-либо следственного действия или бездействия. Другими словами, это неправильный выбор средств для ее решения или неосознанный и непреднамеренный поступок следователя, который непосредственно привел к ухудшению этой следственной ситуации, а также возможной неспособности достичь целей, установленных в ходе расследования, расследования преступления» [4, с. 58].

Анализируя предложенную концепцию следственных ошибок, обратим внимание, что она совершается непреднамеренно, не является следствием умысла субъекта такой ошибки. При этом совершение лицом, уполномоченным осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, преднамеренного упущения и недочёта, который приводит к недостижению задач уголовного судопроизводства, должно рассматриваться как уголовно-наказуемое деяние. С другой стороны, нельзя исключить и возможность квалификации действий лица, допустившего следственную ошибку непреднамеренно как халатность. Таким образом, в целом,

характерным признаком следственной ошибки является её непреднамеренность.

А.Л. Пермяков определяет следственную ошибку «как неправильность в действиях, поступках, суждениях, мыслях, допущенную лицами, участвующими в расследовании, в связи с этим при принятии решений по уголовному делу, при возбуждении и расследовании уголовных дел, а также при рассмотрении их в суде» [46, с. 73]. Обращает на себя внимание, что следственная ошибка – это не только и не сколько нарушение уголовно-процессуального закона, хотя такие ошибки являются наиболее видимыми для внешнего восприятия. Следственная ошибка – это ещё и неверный выбор направления производства следствия, построения следственных версий и т.п. При этом даже соблюдение при проведении расследования в полной мере норм уголовно-процессуального законодательства, не гарантирует, что выбранное направление расследования, следственные версии и круг потенциальных подозреваемых верен.

С таких позиций рассмотрение следственных ошибок в большей мере характерно для науки криминалистики и не вполне подходит для целей уголовно-процессуальной науки, поскольку изменением «нормы права» или правильным применением УПК РФ, такие ошибки исправить вряд ли получится. Хотя, безусловно, необходимо признать, что два обозначенных вида ошибок тесно взаимосвязаны между собой и нередко дополняют друг друга.

Б.Я. Гаврилов выделяет следующие признаки следственной ошибки: субъективность, задержка (секретность), совершается в результате активного действия или бездействия следователя, который является субъектом следственной ошибки [12].

Рассматривая предложенные признаки подробнее, отметим, что субъективность следственной ошибки связана с персональной ответственностью следователя за совершение такой ошибки. Вне зависимости от правильности или неправильности действий иных участников уголовного

судопроизводства именно следователь уполномочен предпринимать все необходимые действия в рамках своих полномочий по производству объективного и всестороннего расследования дела.

Кроме того, субъективность в совершении следственных ошибок заключается в том, что последние, как правило, являются следствием индивидуальных качеств и недостатков лица, производящего дознание или предварительное следствие. Такие индивидуальные особенности могут проявляться как в качестве видимых недостатков профессиональной подготовки, квалификации, опыта расследования), так и быть обусловлены сложившимися жизненными обстоятельствами субъективного (индивидуального характера), например, конфликта на работе, семейные конфликты и т.п. Диапазон возможных причин и факторов, обуславливающих следственные ошибки довольно обширен и предметно будет рассмотрен в следующих разделах исследования.

Кроме того, определённые предпосылки для допущения следственных ошибок могут возникать и из факторов объективного характера, например, недостатка технико-криминалистического обеспечения, отсутствия реальной возможности применить технические средства, их неисправности и т.п. При этом факторы объективного характера не отменяют персональной ответственности лица, производящего предварительное расследование.

Такой признак следственных ошибок, как их секретность означает, что, как правило, такая ошибка на протяжении определённого периода времени не заметна как для самого следователя, так и для его руководителя для надзирающего органа, суда и даже, возможно, для стороны защиты по уголовному делу. Иными словами, такой признак следственных ошибок также можно охарактеризовать как латентность.

Следующим признаком следственной ошибки является то, что она имеет своего собственного субъекта это лицо, которому было поручено производство предварительного следствия или дознания. Кроме того, ошибка

находит своё непосредственное отношение в совершении активного действия или бездействия (воздержание от действия, промедление с его совершением).

Таким образом, феномен такого правового явления как ошибка в уголовном процессе заключается в том, что в идеальной модели уголовного судопроизводства последние отсутствуют, поскольку «идеал» предполагает то, что должно быть в качестве идеального образа или примера, то есть без ошибок. Однако в практике реализации предлагаемой уголовным законодательством модели ошибки находят своё практическое проявление, то есть объективно существуют. Как и любое другое явление негативного характера, нарушающее закон (правонарушение), последнее в силу несовершенства человека, являющегося исполнителем предписаний уголовного закона, неискоренимо в принципе, а может быть только уменьшено до размеров, признанных «приемлемыми».

Выделяются следующие признаки следственной ошибки, которые могут быть положены в основу его понимания (определения):

- ошибки приобретают официальный процессуальный статус в уголовном судопроизводстве в результате их фиксации уполномоченными субъектами в установленном законом порядке в предусмотренных формах (документах). До такой фиксации (обнаружения) ошибки имеют латентный характер, скрытый от объективной фиксации, хотя при этом участник уголовного процесса, допустивший такую ошибку, может быть о ней осведомлён;
- ошибки могут быть выявлены стороной защиты. Позиция стороны защиты о том, что в уголовном процессе имеет место ошибка может быть зафиксирована в таких документах, как ходатайство, заявление, замечание к протоколу следственного, судебного или процессуального действия. Однако данная позиция может быть оформлена процессуально в качестве таковой только в результате признания уполномоченным компетентным субъектов (суд,

следователь дознаватель, руководитель следственного органа, прокурор и т.п.);

- ошибки в уголовном судопроизводстве имеют латентный скрытый характер и могут даже скрываться одной из сторон в целях защиты своей позиции или уходом до того момента, пока не будут выявлены противоположной стороной. В связи с этим, ошибки могут быть квалифицированы как официально признанные, так и латентные;
- в структуре официальной ошибки в уголовном процессе состоит из самой ошибки и её последствий;
- следственная ошибка субъективна, она может совершаться только лицом, производящим дознание или предварительное следствие по уголовному делу (дознаватель, следователь, руководитель органа дознания или органа предварительного следствия непосредственно осуществляющие отдельные следственные действия или производство следствия (дознания) по уголовному делу.

Учитывая проведённый анализ, можно констатировать, что следственная ошибка – это не являющееся преступлением действие или бездействие лица, осуществляющего производство по уголовному делу, нарушающее закон, обладающее признаками необоснованности, нецелесообразности, противозаконности, а также наступившие в результате указанных действий или бездействия последствия, тем или иным образом, создающие препятствие для достижения установленных целей уголовного судопроизводства и влекущие за собой, установленные в законодательстве юридически-значимые последствия.

Ошибка может находить своё выражение в одном или в совокупности нескольких следующих факторов: неполное, одностороннее и необъективное выяснение обстоятельств совершённого преступления или иных значимых обстоятельств, Помимо этого, в литературе отмечаются и следующие факторы: «нарушение прав, свобод и законных интересов личности, вовлечённой в уголовно-процессуальный процесс установленных как

отечественным законодательством (на конституционном и отраслевом уровнях, а также, на уровне международных стандартов правосудия); существенное нарушение уголовно-процессуального законодательства; неправильное применение уголовного и уголовно-процессуального закона и в прочих подобных действиях» [46, с. 72].

Наиболее нежелательным возможным последствием допущенной следственной ошибки в уголовном судопроизводстве будет являться осуждение человека за преступление, которое он не совершал, то есть осуждение невиновного.

Текущее состояние научной разработанности темы следственных ошибок, совершаемых в уголовном судопроизводстве, а также важность и степень влияния данного правового явления на ход уголовного судопроизводства, указывает на необходимость введения в уголовно-процессуальный закон соответствующих норм. В частности, для предания концепции ошибок легального законодательного значения считаем необходимым «узаконить» понятие следственной ошибки в перечне основных понятий, используемых в УПК РФ, а именно внести соответствующие дополнения в ч. 1 ст. 5 УПК РФ, дополнив его п. 58.1 в интерпретации, указанной выше.

Представляется, что концепция будущих норм «института» ошибок в уголовном судопроизводстве, по крайней мере, на этапе своего первоначального развития, должна развиваться аналогично нормам о недопустимости доказательств. Так, предлагается использовать следующие концептуальные положения:

- совершение следственной или иной ошибки при принятии решения, либо выражающееся в совершении действия или бездействия, при невозможности её устранить в форме и способом, предусмотренным УПК, влечёт признание принятого решения незаконным и необоснованным;

- само по себе совершение следственной ошибки не означает что совершённое процессуальное действие, принятое решение, или непринятие решения является незаконным и необоснованным;
- при оценке указанного действия или бездействия, содержащего в себе следственную ошибку, принимаются последствия, предусмотренные УПК для конкретного случая (ситуации);
- если УПК РФ не предусмотрены другие юридические последствия совершённой следственной ошибки, то принимаются обозначенные выше последствия.

1.2 Классификация следственных ошибок

Анализ действующего законодательства, судебной практики и взглядов учёных на проблему определения видов (классификации) следственных ошибок, показал наличие различных подходов к данному вопросу. Вместе с тем, определение видов следственных ошибок и критериев их классификации позволяет глубже уяснить их сущность и факторы, которые их обуславливают.

Например, А.Ю. Головин рассматривает виды не просто следственных, а следственно-криминалистических ошибок, в связи с чем разделяет такие ошибки на технико-криминалистические и ошибки стратегического и тактического характера [14]. Отметим, что в обозначенном разделении несмотря на то, что оно, по сути, носит криминалистический характер, есть рациональное зерно и применительно к уголовному судопроизводству. Так, действующее в настоящий момент уголовно-процессуальное законодательство предоставляет возможность и даже предписывает в отдельных случаях обязательное применение технических средств. Например, это возможность применения видеозаписи при производстве следственных действий, это возможность предъявления опознания по голосу, то есть с использованием технических средств воспроизводства голоса и т.п. Это те же допросы и участие в следственных действиях при помощи систем

видеоконференцсвязи и т.п. УПК РФ предусматривает, что для целей правильного применения технических средств может быть приглашён специалист, однако обязательность приглашения специалиста в каждом случае применения технических средств отсутствует.

В свою очередь, по причине неполадок в таких средствах, достоверность фиксации им происходящих процессом может быть искажена, или результаты такой фиксации могут быть утрачены. В таком случае, будет иметь место непреднамеренное неправильное применение технических средств, либо применение неисправных технических средств. Такие ситуации, как представляется можно признать и следственными ошибками с точки зрения криминалистики и следственными ошибками в их уголовно-процессуально значении, поскольку последние негативным образом сказываются на «качестве» полученного таким образом доказательства.

Что касается обозначенных стратегических (тактических) ошибок, то последние прямо не относятся к сфере уголовного процесса, однако, их возникновение может быть связано, например, с упущениями при производстве первоначальных следственных действий, когда допущенные нарушения УПК РФ влияют на достоверность полученных результатов. В результате этого, следствием может идти по «ложному следу».

В свою очередь, следственные ошибки стратегического (тактического) характера также имеют собственное деление. В частности, А.Д. Назаров отмечает, что «к процессуальным ошибкам на стадии досудебного расследования преступлений, которые также могут быть выявлены в суде, относятся технико-технологические ошибки - это ошибки, которые заключаются в неправильном использовании положений и рекомендаций при расследовании преступлений. Распространенными ошибками являются следующие:

- проведение следственных действий без участия специалиста-криминалиста или специалиста в соответствующей области;

- несоблюдение технологии работы с определенным технико-криминалистическим средством в процессе поиска следов, осмотра вещественных доказательств при отсутствии соответствующего специалиста» [29, с. 15].

В целом, обозначенные ошибки можно отнести к ошибкам, основанным на неправильной организации работы по расследованию преступления, недостаточной или некачественной подготовке к производству определённого следственного действия.

Другой учёный Н.А. Степанова указывает, что классификация ошибок в уголовном процессе «осуществляется по следующим основаниям: характеру и содержанию ошибок; юридической природе; субъектам; характеру выявления и установления ошибок; характеру процессуальных последствий и т.п.» [52, с. 23].

Анализ научных источников относительно проблем повышения качества расследования преступлений позволяет выделить следующие варианты классификации следственных ошибок.

Первая предложенная классификация ошибок – это ошибки логические и фактические. Логические ошибки, как это понятно из их названия, связаны с нарушением или несоблюдением правил логики при построении выводов о взаимосвязях и детерминации определённых явлений и фактов между собой. Непосредственное правовое значение данных ошибок может проявляться на нарушении требований обоснованности и мотивированности принятия процессуальных решений, требования наличия достаточности доказательств для совершения того или иного действия. В таких случаях, обозначенные выводы о достаточной обоснованности и мотивированности принимаемого процессуального решения являются ошибочными, нелогичными, противоречащими законам логики. В свою очередь, ошибки фактического характера заключаются в непосредственном нарушении предписаний норм уголовно-процессуального права и законодательства, которые были совершены непредумышленно.

Следующая классификация следственных ошибок осуществляется по критерию субъекта, который их совершает. Вопреки тому, что рассматриваемые уголовно-процессуальные ошибки именуется следственными, отметим, что далеко не во всех случаях субъектом их совершения выступает именно следователь. Такие ошибки могут быть допущены тем лицом, которому поручено производство дознания, либо предварительного следствия. Кроме того, в силу отдельных положений УПК РФ полномочиями по производству отдельных следственных действий наделены руководитель следственного органа, его заместитель, руководитель органа дознания руководитель подразделения дознания и т.п. Также, в случае производство предварительного расследования следственной группой, следственные ошибки могут совершаться как руководителем такой группы, так и её членами, в том числе, привлечёнными к участию в ней сотрудниками органа дознания.

Далее рассмотрим классификацию, основанную на критерии механизма образования следственной ошибки. В связи с этим, может иметь место как выход «за пределы допустимого» при производстве дознания или предварительного следствия, так и необоснованное «сужение» дознания или предварительного следствия, вопреки необходимости противоположного.

Кроме того, существует и классификация допускаемых следственных ошибок по критерию стадии уголовного процесса, на которой они допускаются. В частности, это могут быть ошибки, которые были допущены на стадии возбуждения уголовного дела (при рассмотрении сообщений о преступлении), либо на стадии производства предварительного следствия.

Следующей классификацией следственных ошибок является их деление на ошибки материально-правовые и процессуально-правовые. В данном случае критерием будет выступать характеристика закона, который нарушается, соответственно, это уголовный или уголовно-процессуальный закон. Соответственно материально-правовые ошибки, как правило, заключаются в неправильном применении уголовного закона, в неправильной

квалификации события преступления или действий лица (лиц, причастных к его совершению).

В случае с процессуально-правовыми ошибками имеет место неправильное применение норм уголовно-процессуального закона, которые определяют порядок производства по уголовному делу. Такие ошибки могут заключаться в нарушении сроков производства по уголовному делу, сроков совершения тех или иных процессуальных действий (например, сроков направления ходатайства о продлении сроков предварительного следствия, сроков допроса обвиняемого, сроков уведомления прокурора и т.п.).

Кроме того, «следственные ошибки могут разделяться и в зависимости от того при совершении каких следственных действий они были допущены. При этом используется критерий не самого вида следственного действия, а его целевого назначения. Исходя из этого, выделяются следственные ошибки, которые были совершены в процессе собирания доказательств, а также следственные ошибки, которые были допущены в процессе выполнения требований уголовно-процессуального закона по обеспечению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства» [5, с. 16].

Также существует классификация следственных ошибок в зависимости от фактически наступивших в результате их совершения последствий. По данному критерию выделяются несущественные, существенные и безусловно-существенные ошибки. Первая группа следственных ошибок, это те, которые сами по себе не препятствуют в достижении истины по уголовному делу. Вторая группа ошибок это те, которые влияют или могли повлиять на принятие законного и обоснованного решения по расследуемому уголовному делу. В свою очередь, третья группа ошибок это те, которые приводят к формированию неправильных выводов по делу.

Кроме того, по данному критерию ошибки могут быть квалифицированы не только по степени влияния на итоговый результат производства по делу, но и исходя из фактических последствий. Например, нарушение порядка легализации результатов оперативно-розыскной

деятельности по уголовному делу или иных существенных требований к порядку получения доказательств, влечёт за собой признание таких доказательств недопустимыми. Ошибки следователя, допущенные в ходатайстве перед судом о заключении обвиняемого под стражу или в собранных в обоснование этого материалов, могут повлечь отказ суда в применении данной меры пресечения, в результате чего, обвиняемый получит возможность скрыться от следствия либо иным образом противодействовать ему. Допустимо также выделить те ошибки, которые приводят к принятию различных процессуальных решений (отказ в возбуждении уголовного дела, прекращение, приостановление уголовного дела и т.п.).

Как известно, итоговое решение по уголовному делу в отношении конкретного лица, может иметь обвинительный или оправдательный характер. Аналогичным образом, можно говорить и о направленности предварительного следствия. В связи с этим, допущенная следственная ошибка может иметь обвинительный характер (когда создаются необоснованные факторы, создающие убеждение в виновности определённого лица, однако, не соответствующие действительности) и, наоборот – ошибка может иметь оправдательный характер, когда необоснованно от определённого лица «отводиться» подозрение.

Также, учитывая законы диалектики и субъективность оценочных суждений, те или иные действия (бездействия) лица, производящего дознание или досудебное следствие, могут быть признаны ошибочными бесспорно, либо иметь спорный характер.

Кроме того, учитывая латентный характер допускаемых следственных ошибок, последние могут носить явный характер, поскольку являются очевидными и их обнаружение для участников процесса не вызывает каких-либо затруднений. Вторая группа ошибок это те, которые носят скрытый (латентный) характер и могут быть не выявлены вообще.

Таким образом, в научной и учебной литературе существует множество классификаций следственных ошибок.

В качестве основной классификации предлагается следующая (по сущностному критерию):

- «неполное, одностороннее и необъективное исследование обстоятельств совершённого преступления и других имеющих значение для уголовного дела обстоятельств;
- нарушение прав, свобод и законных интересов личности, установленных международными документами стандартов осуществления правосудия;
- неправильное применение уголовного и уголовно-процессуального закона» [20, с. 125].

В качестве критерия для классификации в данном случае использована сущность (содержание) ошибки. В первом случае имеет место недостаточное исполнение обязанностей следователем, возможно, отсутствие должной квалификации и опыта расследования уголовных дел в целом, либо их отдельной категории. Последствием такой ошибки может быть принятие неправильного, необоснованного решения по делу, в том числе привлечение к уголовной ответственности невиновного, или наоборот, отсутствия достаточного количества доказательств вины лица в действительности, совершившего данное преступление. Во втором случае имеет место нарушение предусмотренных Конституцией и действующим законодательством прав и свобод граждан. В третьем случае имеет место недостаточные юридические знания следователя в части правильной квалификации действий виновного, недостаточное знание уголовно-процессуального закона.

Приведённая классификация полезна, в первую очередь, для определения направлений работы по выявлению, исправлению и недопущению в дальнейшем последствий от совершения таких ошибок.

1.3 Природа следственных ошибок. Разновидности причин, их вызывающих

В данном подразделе будут рассмотрены природа и причины возникновения типичных, наиболее частых и распространенных ошибок, поскольку такого рода ошибки, в конечном итоге приводят прежде всего, порождают общие сомнения в истинности, а значит – и в правосудности судебных решений.

По мнению А.Д. Назарова, «стремление свести к минимуму допускаемые в уголовно-процессуальной деятельности ошибки обязывает исследователя рассмотреть причины этих ошибок. Правоведы, чьи научные труды были связаны с проблемами качества предварительного расследования, его недостатками, допускаемыми нарушениями законности, всегда каким-то образом касались вопросов о причинах низкого качества следствия, об условиях, которые способствуют этим недостаткам, нарушениям законов и т.п.» [30, с. 15].

Как отмечает Т.А. Беккер, наиболее известной и общепринятой классификацией следственных ошибок является их деление на причины объективного характера и причины субъективного характера. В данном случае использован критерий субъективности. При этом, по мнению указанного ученого, в приведённой классификации имеются явные противоречия. Так, объективные причины, это те, которые не зависят от воли субъекта (личности), данные причины существуют независимо. Исходя из этого, не понятно о какой и чьей ошибки может идти речь, если предотвратить её было невозможно (причина объективна) [5].

Отметим, что деление причин ошибок на объективные и субъективные также является характерным и для следственных ошибок. Позиция Т.А. Беккера в части выявления противоречия в объективных и субъективных критериях следственных ошибок приведена, поскольку она имеет ценность и для рассмотрения вопроса о причинах следственных ошибок.

Как представляется с предложенным Т.А. Беккер подходом, можно отчасти согласиться, поскольку, если какой-то процесс существует объективно независимо от воли и возможностей других лиц, и он на что-то влияет, то наступление того видится неизбежным. Если персонализировать следственную ошибку, то есть признавать, что у каждой ошибки есть субъект, который её совершил, то необходимо признать и то, что у такого субъекта, например, следователя, была возможность избежать совершения такой ошибки, то есть поступить «правильно». Это обстоятельство исключает наличие объективных, то есть независящих, от следователя причин совершения им ошибок. Если же, какие-либо обстоятельства объективного характера независящие от следователя, например, привели к неправильному результату досудебного расследования, то это не будет являться ошибкой следователя, однако той, которую он не имел возможности предотвратить.

Кроме того, следственные ошибки могут быть рассмотрены и с точки зрения всего процесса в целом. Так, если осуждается невиновный, то это является как ошибкой стороны обвинения, так и ошибкой суда в целом, вне зависимости от наличия персональной вины конкретного участника судопроизводства [8]. Таким образом, всё-таки, существование факторов объективного характера, которые влияют на допущение лицом, производящим дознание или предварительное следствие ошибки, имеет место.

Если же быть более внимательным и попытаться спроецировать объективные причины на возможные следственные ситуации, то такие объективные причины, например, могут заключаться в неинформированности или в недостаточной информированности следователя о личности подозреваемого или обвиняемого, которому избирается мера пресечения, отсутствие информации о том, что последний страдает заболеваниями нахождения с которыми в условиях изоляции не рекомендуется при том, что само лицо об этом умалчивает. Другими факторами объективного характера могут быть, например, несовершенство и противоречие действующего уголовно-процессуального законодательства, когда следователь,

руководствуясь принципом законности, вынужден действовать определённым образом.

Однако в каждом из смоделированных примеров дознаватель или следователь может проявить большую осмотрительность и избежать принятия неверного решения, либо принимать то решение, исполнение которого будет иметь перспективу наименьшего количества неблагоприятных последствий.

По мнению А.Д. Назарова, «в контексте многоуровневого подхода к анализу причин ошибок в настоящем исследовании мы без излишней детализации обозначим эти причины, останавливаясь лишь на тех из них, которые, на наш взгляд, заслуживают особого внимания, так как полные характеристики и анализ всех причин следственных ошибок не являются предметом нашего исследования и заслуживают отдельной глубинной научной разработки» [31, с. 45].

Рассмотрим предложенные «уровни» причин следственных ошибок подробнее.

«Первый уровень» – это непосредственные причины ошибок характеризуют недостатки по уголовным делам. То есть это те факторы, которые находятся в прямой причинно-следственной связи с допущением следственной ошибки» [23, с. 45].

В частности, к таким факторам принято относить «непроведение или ненадлежащее проведение необходимых следственных или иных процессуальных действий, а также существенные недостатки в планировании, организации расследования уголовных дел, в выдвижении и проверке версий» [23, с. 45].

Как отмечает А.М. Ларин, встречаются и причины следующего характера. Так, «в результате энергичных первоначальных следственных действий или благодаря стечению обстоятельств, быстро обнаружен подозреваемый. Казалось бы, следствие на прямом пути к истине. Но тут расследование утрачивает темп и активность, с большим интервалом выполняются третьестепенные следственные действия. Затем обвиняемый

свои показания изменяет, появляются свидетели, подтверждающие алиби, всплывают версии, ранее не учтенные, а теперь уже не поддающиеся проверке, и путь расследования, сначала казавшийся таким надежным, превращается в трясину» [26, с. 57].

В таком случае, как представляется имеет место недостаток планирования и недочёты в организации расследования, что также может быть связано с отсутствием достаточного опыта следственной деятельности, либо недостаточным уровнем теоретической подготовки, организации методической работы в следственном органе.

Далее обратимся к причинам второго уровня. «Причины второго уровня определяются, прежде всего, условиями деятельности следователей, носят объективный либо субъективный характер. Субъективные, относящиеся к личности следователя, причины напрямую связаны со следственной ошибкой. Объективные же причины связаны со следственной ошибкой опосредованно через следователя, который в ряде случаев может нейтрализовать отрицательное влияние этих факторов и не допустить, чтобы они превратились в причину следственных ошибок» [22, с. 55].

Наиболее распространенные причины следственных ошибок объективного характера, следующие:

- «нахождение в производстве у следователей одновременно значительного количества уголовных дел;
- неблагоприятная нравственно-психологическая атмосфера в следственном коллективе, отсутствие деловой взаимопомощи, наставничества» [22, с. 56].

Практики и теоретики указывают на данную причину, но мы не предпринимаем попытки ее комментировать, так как вопросы психологии и менеджмента следственной и судейской работы – тема отдельного исследования [10].

«Следующая причина возникновения следственных ошибок – сложности, возникающие с вызовом свидетелей, назначением и проведением

экспертиз, ревизий и аудиторских проверок, их оплатой. Данная причина на сегодняшний день не настолько актуальная, как в прежние годы, особенно для суда, но, тем не менее, имеющая место» [54, с. 13].

Следует заметить, что «экспертные подразделения есть сегодня во всех ведомствах, имеющих следственные аппараты. На первый взгляд, это должно создавать все требуемые условия для эффективного и оперативного проведения необходимых экспертиз по расследуемым уголовным делам, находящимся в производстве у следователей соответствующих ведомств. Но, во-первых, не все виды экспертиз проводятся в экспертных подразделениях ведомств, имеющих следственные аппараты. Во-вторых, постоянно говорится о ведомственной заинтересованности эксперта» [60].

Также среди причин, вызывающих ошибки в досудебном производстве по уголовному делу, можно назвать «ненадлежащие условия для работы (сложности с транспортом, оргтехникой, кабинетами и др.), проблемы с научной организацией труда, прежде всего, дознавателей и следователей» [15, с. 14].

Формулируя собственное представление о причинах совершения следственных ошибок, отметим следующее. Определить какую-то одну главную или основную причину сложно, поскольку, как отмечалось в предыдущих разделах, существует множество классификаций следственных ошибок (по сферам, по субъектам, по объектам, по этапам и т.п.) [11]. Опыт применения положения УПК показывает, что ошибки допускают все, даже наиболее опытные и организованные сотрудники, как говорят «ни застрахован никто». В связи с этим, указать, что наиболее главной и распространённой причиной ошибок является исключительно проблема организации работы, личного планирования неверно. Вероятнее всего необходимо выделять группу разнородных или однородных наиболее типичных причин и условий совершения следственных ошибок, что позволит более точно воздействовать именно на их причины.

По первой главе можно сделать следующие выводы.

В ходе рассмотрения вопроса о понятии следственной ошибки, установлении их существа, был сделан вывод о том, что феноменом такого явления является неизбежность в ходе практической деятельности по расследованию преступлений возникновения следственных ошибок. В связи с этим, необходимо различать «идеальную» модель уголовного судопроизводства, которая предполагает точное и неукоснительное соблюдение законодательства при производстве по уголовному делу, которое не предполагает ошибочного применения норм уголовно-процессуального и уголовного законодательства.

В ходе дальнейших попыток дать определения понятия следственной ошибки, в результате проведённого анализа уголовно-процессуального законодательства и доктринальных воззрений на этот счёт, установлены следующие признаки следственных ошибок: ошибки фиксируются и «закрепляются» в предусмотренных УПК РФ процессуальных формах (документах); ошибки в уголовном судопроизводстве имеют латентный скрытый характер; ошибки могут быть выявлены как стороной защиты, так и стороной обвинения, судом в ходе осуществления судебного контроля; структура ошибки в уголовном процессе состоит из самой ошибки и её последствий [16].

Исходя из обозначенного, сделан вывод о том, что следственная ошибка – это не являющееся преступлением действие или бездействие лица осуществляющего производство по уголовному делу, нарушающее закон, обладающее признаками необоснованности, нецелесообразности, противозаконности, а также наступившие в результате указанных действий или бездействий последствия, тем или иным образом, создающие препятствие для достижения установленных целей уголовного судопроизводства и влекущие за собой, установленные в законодательстве юридически-значимые последствия. Нежелательным последствием допущенной ошибки в уголовном судопроизводстве будет являться осуждение человека за преступление, которое он не совершал, то есть осуждение невиновного.

Также был сделан вывод о том, что отсутствует в действующем уголовно-процессуальном законодательстве положений относительно следственных ошибок негативно сказывается на качестве и эффективности правовых средств, направленных на их предупреждение, выявление и устранение. В связи с этим, был разработан ряд предложений по совершенствованию УПК РФ в части включения в него норм, составляющих уголовно-процессуальный институт следственных ошибок, которые изложены в подразделе 1.1 настоящей работы.

В ходе рассмотрения вопроса относительно существующих видов следственных ошибок, установлено, что они могут быть классифицированы по различным критериям.

В попытке определить причины следственных ошибок был проанализирован ряд факторов следственной деятельности, позиции учёных по этому вопросу. Учитывая, что феномен существования следственных ошибок обусловлен человеческим фактором, установлено, что ошибки допускаются всеми, иногда даже опытными и теоретически подготовленными сотрудниками. В целом причины следственных ошибок можно разделить на личностные (связанные с личностью следователя), организационные (недостатки в организации работы следователя, следственного подразделения в целом), недостаток предусмотренных механизмов контроля и надзора за законностью досудебного следствия (недостатки механизмов контроля и надзора в части выявления ошибок, которые также могут быть обусловлены допущенными ошибками субъектов такого надзора и контроля).

Глава 2 Контроль и надзор как механизмы предотвращения, выявления и устранения следственных ошибок

2.1 Ведомственный контроль за уголовно-процессуальной деятельностью и его значение в минимизации следственных ошибок

В первую очередь, обратим внимание на историю развития уголовно-процессуального института ведомственного контроля в отечественном уголовном процессе.

Исследуя данные вопросы ещё в 1999 году, Д.А. Назаров указывает на то, что в дореволюционный период данный институт не был знаком законодателю, хотя ведомственный контроль в определённых непроцессуальных формах, безусловно, всегда присутствовал как в дореволюционный период, так и в советский. Законодательное закрепление он впервые получил в 1965 году, когда в УПК РСФСР 1960 года впервые была введена такая процессуальная фигура, как начальник следственного отдела (п. 6а ст. 34 и ст. 127.1 УПК РСФСР). Согласно положениям УПК РСФСР 1960 года, на начальника следственного отдела возлагалась обязанность по контролю за своевременным раскрытием и предупреждением преступлений [29].

Далее определимся с понятием ведомственного контроля. Нормы, регулирующие ведомственный контроль, появились в отечественном уголовном процессе сравнительно недавно. Возможно, именно по этой причине в законодательстве отсутствует определение ведомственного контроля, а в науке на этот счёт нет единого понимания.

Рассмотрим несколько вариантов определения ведомственного контроля. В частности, С.А. Табаков в кандидатской диссертации 2009 года определил его как «регламентированную уголовно-процессуальным законом деятельность руководителя следственного органа (начальника органа дознания, начальника подразделения дознания), в содержание которой могут

входить проверка законности и обоснованности процессуальных решений, руководство предварительным расследованием, принятие мер по организации предварительного следствия (дознания), а также применение полномочий, направленных на устранение выявленных нарушений закона» [54, с. 15].

Т.Г. Олефиренко определяет ведомственный контроль следующим образом: «основное средство обеспечения законности предварительного расследования по уголовному делу руководителем следственного органа, состоящее из регламентированной уголовно-процессуальным законом системы процессуальных действий и решений, связанных с проверкой процессуальной деятельности следователя по выполнению задач уголовного судопроизводства на досудебной стадии производства по конкретному уголовному делу» [43, с. 150]. Также необходимо обратить внимание на позицию, согласно которой «ведомственный контроль за деятельностью следователя при расследовании уголовного дела, необходимо делить на организационный и процессуальный» [27, с. 90].

Не вдаваясь в подробности дискуссии относительно наиболее правильного определения термина «ведомственный контроль», в рамках настоящего подраздела, согласимся что ведомственный контроль может носить, как организационный, так и процессуальный характер.

Процессуальный контроль – это «деятельность руководителя следственного органа по реализации предоставленных ему уголовно-процессуальным законодательством полномочий руководителя следственного органа по каждому конкретному делу» [53, с. 171]. В свою очередь, организационный контроль прямо не связан с реализацией положений уголовно-процессуального законодательства. Он, по существу, заключается в организации правильной и наиболее эффективной работы следователя персонально и всего следственного органа (подразделения, отдела) в общем.

Примером организационного контроля может служить создание и руководство группой следователей, или следственно-оперативной группой. Кроме того, существенная часть организационного ведомственного контроля

заключается в необходимости выполнения предписаний ведомственных подзаконных нормативно-правовых актов по организации работы следователя и следственного подразделения.

Таким образом, обратим внимание на то, что ведомственный контроль за уголовно-процессуальной деятельностью следователя, включающий предупреждение, выявление, устранение следственных ошибок, несмотря на наличие множества непроцессуальных механизмов его осуществления (тех, которые не предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством), в конечном итоге, в рамках его непосредственного воздействия на производство по конкретному уголовному делу, может выражаться только в принятии мер реагирования в рамках полномочий руководителя следственного органа. Любое другое воздействие на принятие следователем решений по конкретному уголовному делу является незаконным и нарушает один из основополагающих принципов досудебной стадии уголовного судопроизводства – принцип процессуальной самостоятельности следователя [61].

В связи с этим, соответственно, возникает необходимость рассмотреть вопрос ведомственного контроля за досудебным следствием как способ выявления и исправления следственных ошибок, в контексте обозначенного принципа процессуальной самостоятельности следователя. Кроме того, обратим внимание на многозначность исследуемой нами категории «следственные ошибки», поскольку, например, разночтения между следователем и руководителем следственного органа на предмет правильной квалификации преступного деяния на определённом этапе (без итогового судебного решения по существу дела) является не более чем двумя противоположными мнениями. А кто именно из них ошибается в этот момент производства по уголовному делу определить по объективным причинам невозможно, однако в силу наличия полномочий ведомственного контроля, руководитель следственного органа обладает возможностью исправить, по его мнению, ошибочную квалификацию преступного деяния.

Представляется, что основу правового регулирования ведомственного контроля за расследованием уголовных дел, прежде всего, составляют правовые нормы, определяющие взаимодействие следователя и руководителя следственного органа. «Необходимость анализа именно правовых статусов обозначенных процессуальных фигур обусловлена, прежде всего, тем, что полномочия следователя и его руководителя являются одинаковыми (единиными) для всех без исключения органов предварительного расследования вне зависимости от их ведомственной принадлежности. Данное утверждение одинаково относится к полномочиям (правам, возможностям), которыми следователь наделён при расследовании уголовных дел, так и к его ответственности, поскольку уголовное процессуальное законодательство декларирует процессуальную самостоятельность следователя» [56, с. 20].

В связи с этим, ведомственный контроль не может и не должен нарушать обозначенный принцип, однако на самом деле, реализация ведомственных полномочий по контролю за расследованием уголовного дела, зачастую вступает в «конфликт» с обозначенной самостоятельностью. Нахождение необходимого баланса взаимодействия следователя и его руководителя, как представляется, является одной из наиболее актуальных проблем в данной сфере [62].

В рамках реализации ведомственного контроля, руководитель следственного органа наделён следующими видами полномочий (исходя из анализа содержания ст. 39 УПК РФ):

- полномочия организационного характера. Это полномочия по поручению проведения досудебного следствия следователю, группе следователей, по передаче уголовного дела из производства одного следователя другому и прочие. В части исправления следственных ошибок можно указать на полномочие, перечисленное последним, поскольку таким образом, следователь, не справившийся с расследованием уголовного дела, может быть устранён от него, и дело может быть поручено другому следователю;

- полномочия по согласованию следственных действий и процессуальных решений. Это полномочия по предварительному согласованию отдельных ходатайств следователя (в частности, постановление об обращении в суд с ходатайством о производстве обыска, об избрании меры пресечения, назначаемого судом, это согласование ходатайства о продлении срока предварительного расследования и т.п.);
- полномочия по корректировке деятельности следователя по уголовному делу (исправление допущенных следственных ошибок). Это, прежде всего, «полномочия по отмене незаконных и необоснованных постановлений следователя, если руководитель следственного органа не согласится с ними. Также руководитель следственного органа, уполномочен проверять и изучать материалы доследственных проверок, материалы уголовных дел» [7, с. 47]. Давать указания о направлении досудебного расследования, относительно совершения определённых процессуальных действий. Также предусмотрено полномочие по отстранению следователя от дальнейшего производства по уголовному делу.

Характеризуя перечисленные полномочия, отметим мнение, что «по действующему законодательству России преобладающий процент полномочий по осуществлению ведомственного процессуального контроля (а если говорить о его разновидностях – то как организационного, так и процессуального характера) находится у руководителя следственного органа. Он вправе контролировать и соблюдение административно-правовых предписаний, связанных с организацией уголовного преследования, и обеспечивать исполнение норм уголовно-процессуального закона» [28, с. 128]. С данным утверждением в целом необходимо согласиться.

Также отметим, что существуют предложения по увеличению степени ведомственного контроля со стороны руководителя следственного органа, что по мнению отдельных учёных будет способствовать своевременному

выявлению и устранению допущенных следователем ошибок при производстве по уголовному делу, в том числе, неправильной квалификации действий обвиняемого, неправильной формулировке обвинения и т.п. В частности, как указывает С.М. Даровских, «одним из вариантов в этом направлении будет закрепление за руководителем следственного органа полномочий по согласованию составленного следователем обвинительного заключения. Данное нововведение позволит организовать осуществление полного и тотального контроля за расследованием уголовного дела с момента начала проведения доследственной проверки и до передачи уголовного дела прокурору» [17, с. 28].

Вместе с тем, данное предложение представляется допустимым, но не в аспекте совершенствования ведомственного контроля за законностью при производстве по уголовному делу, а в аспекте «разделения» персональной ответственности за результат досудебного следствия, поскольку руководитель следственного органа и так в рамках ежедневной организации работы в следственном подразделении контролирует все основные аспекты следственной работы по уголовному делу, в том числе, как первоначальную (на стадии возбуждения уголовного дела), так и последующую квалификацию преступного деяния вменяемого лицу. Представляется, что предложенные нововведения не будут иметь качественного влияния на процесс недопущения и устранения следственных ошибок.

Как отмечает Ю.П. Боруленков, «в силу того, что следователь признаётся самостоятельным субъектом уголовного судопроизводства, именно он должен и отвечать за последствия принимаемых им решений. В связи с этим, учёный выделяет следующие виды юридической ответственности, к которой может быть привлечён следователь как должностное лицо: дисциплинарная ответственность (в рамках законодательства о службе в соответствующей структуре к следователю может быть применено замечание, выговор, прекращение полномочий, увольнение); гражданско-правовая, административная и уголовная

ответственность (прежде всего, за должностные преступления и преступления коррупционной направленности)» [7, с. 49]. Таким образом, по мнению учёного, следователь в полной мере должен нести ответственность за допущенные им ошибки либо намеренные злоупотребления.

«Основу правового статуса следователя в уголовном процессе составляют положения ст. 38 УПК РФ. Кроме этой нормы, а также других положений УПК РФ, следователь в своей деятельности руководствуется и другими нормативными правовыми актами, в т.ч. приказами, подзаконными нормативными правовыми актами, информационными письмами и т.п. Однако, данная ситуация представляется неправильной, поскольку деятельность следователя по осуществлению предварительного следствия по уголовным делам может и должна основываться исключительно на УПК РФ» [24, с. 547].

В связи с этим, важно обратить внимание на то, что процессуальная самостоятельность следователя закреплена в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, в соответствии с которым он независимо от других участников процесса может направлять ход расследования, принимать решение о проведении следственных и иных процессуальных действий, кроме случаев, требующих получения судебного решения или разрешения руководителя следственного органа. Из этого, по мнению В.Г. Мкртчян, «следует, что следователь сам вправе выбирать ход расследования по уголовному делу» [28, с. 128]. В силу указания закона это действительно так, однако возможность осуществления наиболее значительных процессуальных действий ограничена необходимостью их согласования с руководителем следственного органа, что и является одним из факторов ведомственного контроля за законностью досудебного расследования [32].

Однако в настоящий момент, многими учёными ставится под сомнение реальность процессуальной самостоятельности следователя, причём, не только в силу особенностей практики расследования преступлений, но и в силу отдельных положений УПК РФ. В частности, Л.А. Терехова, в своей

публикации отмечает, что «внесенные изменения в уголовно-процессуальное законодательство и правоприменительная практика подталкивают к переосмыслению принципа самостоятельности следователя в уголовном процессе. Значимым изменением является включенное в реформу следственного аппарата положения об укреплении правового статуса руководителя следственного органа, позволяющее ему осуществлять руководство на стадии предварительного следствия над уголовным преследованием» [55, с. 19].

По замыслу законодателя, следствием усиления правового статуса руководителя следственного подразделения является рост результативности ведомственного контроля, который призван отменить и предотвратить незаконные процессуальные решения следователя, то есть допускаемые им следственные ошибки. Таким образом, процессуальная самостоятельность следователя фактически была существенно ограничена в виду его административного подчинения руководителю следственного органа. В связи с этим, А.А. Тушев приходит к выводу о том, что, ««защитив» следователя от прокурора, законодатель от решений и указаний руководителя следственного органа его не освободил» [57, с. 65].

С обозначенным выводом можно вполне согласиться. В настоящий момент необходимо констатировать «фактическое сужение реальной процессуальной самостоятельности следователя за счёт роста объёма контрольных полномочий и функций его руководителя - руководителя следственного органа. Вторым закономерным выводом является то, что следователь от фигуры, контролируемой руководителем и прокурором (в силу наличия широких функций прокурорского надзора), стал фигурой подконтрольной фактически только руководителю следственного органа. Иными словами, контроль над следователем в настоящий момент носит фактически ведомственный характер и определяется его ведомственной принадлежностью» [9, с. 16].

У данной ситуации имеются две стороны. Первая заключается в возникновении возможности у руководителя в большей степени влиять на ход и результаты предварительного расследования. Если ранее, такое влияние, имевшее фактический характер, достигалось за счёт административного подчинения следователя руководителю следственного органа, то в настоящий момент оно усилилось ещё и за счёт возросших полномочий у руководящего звена следственного аппарата. Соответственно это позволяет в большей мере и ещё более результативней контролировать соблюдение следователем уголовно-процессуального законодательства, своевременно выявлять и исправлять (там, где это возможно) допущенные ошибки. Второй аспект заключается в том, что чрезмерный контроль за деятельностью какого-либо субъекта всегда приводит к уменьшению его инициативности и личной ответственности за результат его деятельности. Как бы не стремился руководитель следственного органа и каким бы опытом он не обладал, он ни его заместители не смогут заменить следователя и изучить материалы дела, фактические обстоятельства по всем делам, находящимся в производстве руководимого ими отдела. Это может сделать только инициативный и целеустремлённый следователь, которые способен взять ответственность за результат не себя лично.

По мнению Т.С. Спешиловой, «лишение следователя реальной процессуальной самостоятельности исключительно негативно отражается на эффективности раскрытия и расследования преступлений, а значит и снижает результативность следственной деятельности в целом. С данным выводом невозможно согласиться в полной мере. Как известно, многие сторонники существования (создания) единого следственного органа в России в качестве одного из факторов указывают на то, что объединение под единым руководством следственного органа и органа дознания позволяет подчинить первый орган второму в интересах раскрытия преступлений, то есть, исключительно в целях формирования количественных показателей раскрытия преступлений, что акцентирует внимание исключительно на

обвинительной роли следователя, создать «круговую поруку» и т.п. Как показывает практика, статистика раскрытия, и расследования преступлений будет выше как раз в таком ведомстве, в котором под единым началом будут объединены органы, осуществляющие следствие, оперативно-розыскную деятельность и дознание. Возникновение реальной процессуальной самостоятельности следователя, в качестве одной из причин, связано с организационным обособлением системы управления следственными органами, следственного аппарата от аппарата оперативного» [51, с. 176].

Необходимо согласиться с Т.С. Спешиловой в том, что «полное лишение следователя процессуальной самостоятельности может привести к получению обществом так называемых «карманных следователей», т. е. таких следователей, которые целиком и полностью будут зависеть от принимаемых решений его руководством, что может негативно отразиться на всей системе правоохранительных органов в целом. Без процессуальной самостоятельности следователь не сможет осуществлять свои обязанности, предусмотренные законом, качественно и в полном объёме» [51, с. 176].

Вместе с тем, очевидной является и пагубность полного исключения контрольных и надзорных функций в отношении следователя со стороны его руководителя. Однако в этом направлении необходимо установление справедливого и наиболее эффективного баланса. В связи с этим, далее рассмотрим особенности статуса руководителя следственного органа (органа предварительного расследования).

Необходимо отметить, что вопросы процессуального положения руководителя следственного органа, как и следователя, также постоянно находятся в центре внимания учёного сообщества. При этом, проблематика правового статуса руководителя следственного органа и следователя тесно переплетается между собой, поскольку последние взаимосвязаны как организационно, так и процессуально.

Основу процессуального статуса руководителя следственного органа регламентирует ст. 39 УПК РФ, однако он не ограничен только данной

нормой. Для примера, полномочия руководителя следственного органа указаны в ст. 39 УПК РФ, при этом значительная часть полномочий руководителя следственного органа носит ярко выраженный властно-распорядительный характер. Более того, в ч. 5 ст. 39 УПК РФ содержится положение, согласно которому объем процессуальных полномочий, указанных в ней лиц, устанавливается Председателем Следственного комитета РФ, руководителями следственных органов соответствующих федеральных органов исполнительной власти.

Таким образом, согласно ч. 5 ст. 39 УПК РФ, «председатель Следственного комитета и руководители следственных органов ведомств (по сути, то МВД РФ и ФСБ РФ) наделены правом наделять полномочиями руководителя следственного органа, руководителей определённых структурных и иных подразделений в своих ведомствах, самостоятельно определяя объём их процессуальных полномочий, тем самым фактически осуществлять нормотворчество в сфере уголовного судопроизводства» [58]. С.В. Дегтярев по этому поводу отмечает «сложности в прогнозировании результатов такого нормотворчества, если в силу вверенных им полномочий, руководители ведомств будут устанавливать свои «законы»» [18, с. 149]. В качестве примера можно указать на соответствующий приказ ФСБ РФ от 28.11.2019 года № 58 «Об объёме процессуальных полномочий» [37].

Учитывая вышеизложенное, представляется необходимым внести изменения в ч. 5 ст. 9 УПК РФ, отменив нормотворческие полномочия руководителей Следственного комитета РФ и следственных департамента и управления МВД и ФСБ соответственно, в виде его явного несоответствия базовым принципам уголовного судопроизводства и избегания ведомственных «войн». Объём полномочий руководителей следственных органов на каждом структурном уровне ведомства должен быть закреплён исключительно в рамках УПК РФ.

Установлены следующие недостатки ведомственного контроля за выявлением и исправлением следственных ошибок при производстве по уголовному делу.

Во-первых, чрезмерное административное и процессуальное давление на следователя со стороны его процессуального руководителя. Фактическое отсутствие действенного института разрешения конфликта между следователем и его руководителем в случае несогласия с поступившими от последнего указаниям. Это обстоятельство обуславливает не только полное подчинение следователя руководителю следственного органа, но и делает невозможным полноценную реализацию декларируемого законодателем принципа независимости следователя;

Во-вторых, в действующей модели уголовного процесса не закреплены нормы о ведомственном контроле методического и отчётного характера, который в действительности, играет значительную роль в вопросе выявления и исправления следственных ошибок. Ситуация при которой фактически вышестоящие управления или отдела в структуре государственного органа выполняющего следственные функции, осуществляют методическое руководство деятельностью следователя и его руководителя по расследованию уголовного дела, фактически приводит к опосредованному влиянию на принимаемые следователем по данному делу решения. При этом, правила и порядок такого ведомственного контроля урегулированы исключительно ведомственными нормативно-правовыми актами. Существует практика «методических рекомендаций» и «указаний» непроцессуального характера которыми должен руководствоваться следователь и которые не всегда соответствуют текущему содержанию уголовно-процессуального законодательства и судебной практике.

В-третьих, в действующей модели УПК РФ необходимый баланс между самостоятельностью следователя и действенным ведомственным контролем за выявлением и своевременным устранением допущенных им ошибок, ещё не найден. Дальнейшее совершенствование в этом направлении может

заключаться в реализации действенных механизмов рассмотрения разногласий между следователем и его руководителем, а также введение в УПК РФ общих положений относительно организации ведомственного контроля методического характера за качеством расследования уголовных дел.

2.2 Прокурорский надзор как механизм минимизации следственных ошибок

Отметим, что правовой статус прокуратуры определён целым рядом нормативных правовых актов различной юридической силы. Прежде всего, это Конституция РФ, а именно её седьмая глава. Данная глава в настоящий момент имеет название «Судебная власть и прокуратура». Исходя из названия и содержания данной главы, в ней идёт речь о двух принципиально различных государственных органах: о судебной системе и о прокуратуре [21, с. 15].

Далее обратимся к федеральному законодательству, регулиющему статус прокуратуры. Так, во исполнение ч. 1 ст. 129 Конституции РФ, принят и в настоящий момент действует федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре») [36]. Как справедливо отмечается в литературе, «анализ данного нормативного правового акта даёт основания полагать, что последний практически не регулирует вопросы участия прокурора в уголовном судопроизводстве. Данное обстоятельство вполне согласуется с положениями ст. 1 УПК РФ, согласно которой уголовное судопроизводство осуществляется исключительно в порядке, установленном УПК, такой порядок является обязательным для всех участников судопроизводства, положения УПК основаны на положения Конституции РФ, в систему правового регулирования уголовного производства входят общепризнанные принципы, нормы международного права, а также международные договора, не входящие в противоречие с нормами Конституции. Таким образом, в системе

регулирования вопроса участия прокурора в уголовном судопроизводстве, место другим отечественным нормативным правовым актам, в т.ч. ФЗ «О прокуратуре», нет» [57, с. 112-113].

Учитывая главенствующую роль Конституции РФ как Основного закона в правовой системе нашего государства, для установления её места и роли в государстве, обратимся к её положениям. Так, согласно ч. 1 ст. 129 Конституции РФ (с учётом последних поправок), «прокуратура представляет собой единую централизованную систему органов государственной власти, к функциям которой относится осуществление надзора за законностью, осуществление уголовного преследования и выполнение «иных» функций» [25]

Соответственно данного предназначения, в уголовном судопроизводстве реализованы как надзорные полномочия прокурора, так и полномочия по осуществлению уголовного преследования. Таким образом, прокурорский надзор является одной из двух конституционных функций органов прокуратуры и, будучи средством установления законности в поднадзорной сфере, направлен, в том числе, и на выявление и устранение тех следственных ошибок, которые заключаются в нарушении закона.

Так, отмечается, «что в настоящее время в отечественном уголовном судопроизводстве реализована модель усечённого, ограниченного участия прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Последний реализует присущую прокуратуре на протяжении многих столетий роль обвинения, а также надзора за законностью досудебного производства, однако только при наличии для этого повода. Степень влияния прокурора на принятие решений на досудебной стадии является весьма низкой. При этом, на данный момент, существует мнение о необходимости усиления влияния прокурора на данной стадии, в том числе, предоставления последнему полномочий по самостоятельному осуществлению следственных действий» [57, с. 46].

В контексте рассматриваемой темы это будет означать, соответственно, увеличение или уменьшение возможностей по исправлению прокурором

допущенных следователем нарушений законности. Не вдаваясь в подробности дискуссии по этому вопросу, выскажем свою позицию, согласно которой, увеличение роли и полномочий прокуратуры на досудебной стадии уголовного судопроизводства представляется нецелесообразным. Предоставление прокурору возможностей более активного влияния на ход и результаты предварительного следствия, в том числе, полномочия по производству следственных действий, неизбежно приведёт к нарушению текущей модели уголовного судопроизводства, в которой каждый элемент строго выполняет отведённую ему роль.

Далее детальной обратим внимание на положения ч. 1 ст. 129 Конституции РФ. Во-первых, согласно указанной нормы, прокуратура представляет собой орган государственной власти федерального уровня [25]. «Система органов прокуратуры построена по территориальному принципу, подчинена единому центру, т.е. является «централизованной». Такая характеристика означает наличие прямой подчинённости прокурора даже наиболее «первичного» уровня Генеральному прокурору РФ. Тут сразу же возникает вопрос по аналогии с вопросом о процессуальной самостоятельности следователя, о том, насколько самостоятелен прокурор, принимающий участие в уголовном деле в процессе осуществления функции по надзору за досудебным следствием. В силу прямых предписаний УПК, которые будут рассмотрены далее, ни о какой зависимости прокурора от своего руководства и речи быть не может. Согласуются ли эти положения с принципом централизации системы органов прокуратуры, а значит отсутствием «автономии воли» любых элементов централизованной системы, является открытым вопросом» [7, с. 47].

Как уже указывалось, в силу Конституции РФ, конституционными функциями прокуратуры в контексте уголовного судопроизводства является осуществление надзора и уголовного преследования [25].

Данные функции дублируются и несколько конкретизируются применительно к уголовному процессу в ч. 1 ст. 37 УПК, согласно которой

«прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия» [58].

Коротко отметим, что «функция надзора за соблюдением законов, прав и свобод человека, не должна и не может быть ассоциирована или заменена на функцию контроля, по этому, передача прокурору полномочий системного контроля за ходом следствия (исправления следственных ошибок), без наличия повода для такого вмешательства (в виде поступившей жалобы, выявление ситуаций требующих вмешательства при изучении поступивших от следователя материалов уголовного дела, например, постановлений о привлечении в качестве обвиняемого, об объявлении в розыск, о приостановлении и возобновлении досудебного следствия и т.п.), превращает функцию надзора в функцию постоянного контроля» [7, с. 47]. Как известно науке, прокурорский надзор, судебный и ведомственный контроль в уголовном судопроизводстве имеют различную природу, что подтверждается многочисленными исследованиями [2], [24].

Если обратится к положениям ведомственных приказов, то отметим, что последние приняты во исполнение полномочий, предоставленных ч. 1 ст. 17 ФЗ «О прокуратуре», согласно которой, приказы и указания могут издаваться исключительно по вопросам организации деятельности прокуратуры. Иными словами, данным приказом не могут и не должны устанавливаться новые или даже детализироваться уже существующие правила осуществления уголовного судопроизводства, которые, как известно, могут быть предусмотрены исключительно УПК, нормами международного права, международными договорами, не противоречащими Конституции [34].

Однако, если внимательно ознакомиться с содержанием данных приказов, то их соответствие вышеуказанному критерию вызывает большое сомнение. Так, например, в п. 2.1 приказа Генеральной прокуратуры РФ от

01.11.2011 г. № 373 [34], указано, что поступившие прокурору жалобы на действия или бездействия следователя, дознавателя или орган дознания должны быть рассмотрены в срок не более 3 суток, а в исключительных случаях – до 10 суток. Таким образом, имеет место дублирование нормы УПК, а именно ч. 1 ст. 124, которая устанавливает те же сроки рассмотрения жалоб.

Таким образом, в рассмотренном положении приказа ГП РФ идёт речь не об организационном вопросе, а устанавливается норма права, аналогичная по содержанию норме права в УПК. При этом в приказе содержится и предписание организационного характера, а именно указывается прокурор какого уровня решает вопрос о возможности продления срока рассмотрения жалобы (т.е. вопрос организации принятия решения от «имени прокурора»). Представляется, что более правильным и целесообразным было бы изложение п. 2.1 Приказа № 373 в формулировке, например, «в сроки, предусмотренные УПК». Такая корректировка выглядит наиболее целесообразной, поскольку, в случае внесения определённых изменений в УК РФ нет необходимости вносить аналогичные изменения и в ведомственные приказы.

В результате рассмотрения положений приказа Генеральной прокуратуры РФ от 26 января 2017 г. № 33 [41] посвящённого вопросам организации прокурорского надзора за досудебным следствием, установлено наличие такого юридического явления как «грубое нарушение закона». Так, в пунктах 5, 10 и 28, согласно которых грубыми нарушениями признаются не выполнения требований прокурора, не рассмотрения ходатайств стороны защиты в установленный срок. Такие «грубые нарушения», согласно тому же приказу требуют принятия мер прокурорского реагирования. Представляется, что такое предписание не является организационным, а носит непосредственный нормативный характер. Кроме того, термин «существенное нарушение закона» употребляется и в иных ведомственных нормативно-правовых актах. Отметим, что в полномочиях прокурора закреплённых в УПК РФ отсутствует диспозитивность: прокурор должен реагировать на все нарушения закона, вне зависимости от их оценки на предмет

«существенности» или «грубости». Обозначенные критерии («существенность», «грубость», иные подобные критерии) могут учитываться, например, руководителем следственного органа, который будет определять меры дисциплинарного реагирования в отношении следователя, допустившего ошибку и нарушившего по этой причине закон (по поступившему представлению от прокурора).

Аналогичные положения нормативного характера содержатся и в других приказах. Согласимся, что «такие положения, обличённые в нормативную форму, должны иметь характер рекомендаций по аналогии с обобщениями судебной практики судами высших инстанций и не могут и не должны быть обличены в форму нормативного правового акта. Данное утверждение не относится к тем нормам перечисленных приказов, которые действительно имеют организационный характер и связаны, например, с периодичностью проверок законности принятия определённых видов решений (например, учётно-регистрационной дисциплины по заявлениям и сообщениям о преступлениях, постановлений о прекращении уголовных дел), периодичности проведения анализа и обобщения практики применения законодательства об избрании меры пресечения, вопросов компетенции прокуроров различного уровня относительно принятия решений и т.п.» [54, с. 16].

Таким образом, необходимо констатировать, что источником правового регулирования деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве по надзору за законностью досудебного следствия, может быть только УПК, основанный на Конституции РФ, а также общепризнанные нормы и принципы международного права, международные договора, при условии, что последние не противоречат Конституции.

В связи с этим, основу правового статуса прокурора в уголовном судопроизводстве играет УПК. Основной нормой, регулирующей статус прокурора в уголовном процессе, выступает ст. 37 УПК.

Несомненно, «полномочия прокурора по уголовному преследованию и надзору непосредственно нацелены на реализацию им назначений уголовного производства. Стоя во главе обвинения, прокурор ответственен и за его обоснованность, и за обеспечение прав участников уголовного судопроизводства. Эффективность деятельности прокурора обуславливает наиболее полное выполнение задач, возникающих в уголовном процессе. Именно поэтому, установление необходимого баланса между полномочиями прокурора по уголовному преследованию и надзору, способствует реализации, содержащихся в ст. 6 УПК РФ, назначений уголовного судопроизводства» [32, с. 102].

Д.В. Бахтеев отмечает, что «относительно прокурорских полномочий по надзору за деятельностью органов расследования следует указать, что согласно нормам ст. 29 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1, в качестве предмета надзора выступает законность, принимаемых органами предварительного следствия и дознания, решений. Соответственно, предусмотренные законом полномочия прокурора в рамках досудебных стадий процесса, нацеленные на проверку законности вынесенных органами предварительного расследования решений, следует признать надзорными» [3, с. 56].

В результате проведенного анализа положений УПК РФ, установлено, что к надзорным полномочиям на стадии возбуждения дела, среди прочих, относятся:

- «проверка исполнения требований действующего законодательства, регулирующего регистрацию, прием и разрешение сообщений о совершенных противоправных деяниях (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- вынесение постановления о направлении в следственные органы соответствующих материалов, нацеленного на решение вопросов об уголовном преследовании в связи с обнаруженными прокурором нарушениями уголовного закона (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

- разрешение в порядке ст. 124 УПК РФ жалоб на действия и решения дознавателя, начальника органа дознания, следователя, руководителя следственного органа;
- проверка в порядке ч. 4 ст. 146 УПК РФ вынесенного следователем (дознавателем) постановления о возбуждении уголовного дела;
- проверка в порядке ч. 4, 6 ст. 148 УПК РФ вынесенного следователем (дознавателем) постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и др.» [58].

В свою очередь, к надзорным прокурорским полномочиям, предоставленным в рамках стадии предварительного расследования, в частности, относятся:

- «требование от органов следствия (дознания) устранения нарушений законодательства, сделанных при регистрации, приеме и разрешении сообщений о фактах противоправных деяний, в ходе производства предварительного следствия либо дознания (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- проверка соблюдения законодательства при задержании подозреваемого в порядке статей 91 и 92 УПК РФ;
- разрешение в порядке 124 УПК РФ жалоб на решения и действия дознавателя, начальника органа дознания, следователя, руководителя следственного органа;
- истребование и проверка законности решений следователя либо руководителя следственного органа, касающихся отказа в возбуждении, прекращения либо приостановления уголовного дела, и вынесение по ним решений (п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- внесение в порядке ст. 24 УПК РФ ФЗ представления об устранении нарушений законодательства, а также причин и условий таких нарушений;
- отмена неправомερных постановлений нижестоящего прокурора, а также органа дознания и его начальника, дознавателя в установленном УПК РФ порядке (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

- рассмотрение поступившего от следователя в порядке ст. 221 УПК РФ обвинительного заключения;
- рассмотрение поступившего от дознавателя в порядке ст. 226 УПК РФ обвинительного акта;
- рассмотрение поступившего от дознавателя в порядке ст. 226.8 УПК РФ обвинительного постановления и др.» [58].

Установленные законом полномочия отражают сущность надзорной функции прокурора.

Как отмечает Р.С. Белкин «в рамках предварительного следствия реагирование прокурора сводится только к опосредованному пресечению нарушений законов (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, ст. 124 УПК РФ) и их предупреждению. Исключением является вынесение решений в пределах соприкосновения стадий возбуждения дела (ст. 146-148 УПК РФ) и предварительного расследования (статьи 221, 226, 226.8 УПК РФ)» [6, с. 161].

«Наиболее показательной функция прокурорского надзора является на стадии направления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного заключения. В свою очередь, наиболее показательным в рамках такой стадии будет является реализация полномочия по направлению уголовного дела руководителю следственного органа для организации дополнительного расследования, либо начальнику подразделения дознания с конкретными указаниями для дознавателя, носящими обязательный характер. Фактически факт принятия такого решения будет означать, что прокурором в ходе проведения надзора выявлены ошибки следствия (следственные ошибки), которые выражаются либо в нарушении закона, либо в недостаточности, неполноте проведённого следствия, отсутствия достаточности доказательств в обоснование вины обвиняемого (всё из перечисленного в целом можно отнести к нарушению закона)» [27, с. 93].

«Реализация прокурором полномочий относительно продления (удлинения) процессуальных сроков при производстве прокурорского надзора заключается в необходимости осуществления более тщательного и

эффективного прокурорского надзора. При этом, в уголовном процессуальном законодательстве отсутствует чёткий механизм реализации таких полномочий» [27, с. 94]. Отметим, что особенность прокурорского надзора на данном этапе заключается в том, что при выявлении неполноты и недостаточности проведённого к моменту наступления таких сроков, расследования, означает нарушение закона и влечёт за собой возможность применения соответствующих дисциплинарных мер как к следователю, так и к его руководителю. При этом сам факт того, что все необходимые следственные и процессуальные действия не были проведены в отведённый для этого срок по вине следователя, его руководителя, либо в силу иных обстоятельств, не отменяет необходимости по этой же причине согласовать продление сроков. Это необходимо для того, чтобы, не смотря на недобросовестные действия отдельных должностных лиц, была возможность в согласованные продлённые сроки всё-таки достичь целей производства по уголовному делу.

Полагаем, что заслуживают внимания некоторые предложения по совершенствованию правового регулирования прокурорских надзорных полномочий прокурора, сформулированные исследователями. Так, «предложено наделить его полномочиями по заслушиванию отчетов дознавателя и следователя по доследственной проверке либо ходу предварительного расследования, а также по допросу потерпевших и свидетелей в процессе утверждения обвинительного заключения» [49, с. 92]. Заслуживает внимания предложение об изменении сложного порядка обращения с требованиями о прекращении нарушений закона, установленного в ч. 6 ст. 37 УПК РФ, а равно нормы ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ относительно устранения ограничений для доступа к материалам дела.

В настоящий момент весьма затруднителен общий подход к надзору за органами и дознания предварительного следствия.

В результате существенных изменений в УПК РФ, исследователи не раз поднимали вопрос о сохранении прокурорского надзора за работой органов предварительного следствия.

С возвратом прав по истребованию и проверки законности решений об отказе в возбуждении, прекращении либо приостановлении уголовного дела и, при необходимости, их отмены (п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), законодатель положительно ответил на этот вопрос.

Тем не менее, различие в комплексе надзорных полномочий прокурора, зависящее от формы расследования, дало основания для убеждения, что процессуальный закон обеспечил условия для полной оценки прокурором следственных органов, а равно для признания этой ситуации в качестве противоречащей сущности прокурорского надзора [6].

«Для создания эффективных механизмов надзора надзорные полномочия прокурора на стадии предварительного расследования конкретизируются в специализированных актах Генерального прокурора РФ, где быстрее реагирование на обнаруженные нарушения, сделанные в процессе расследования деяний, и систематичность надзора, служат основами для повышения качества расследования и реализации надзора за процессуальной деятельностью» [38].

В подведение итогов написания настоящего подраздела, отметим, что прокурорский надзор является одним из эффективных способов выявления и устранения следственных ошибок на этапе предварительного следствия, а также стадии изучения прокурором обвинительного заключения и уголовного дела. Установлено, что надзор прокурора в части выявления следственных ошибок может быть двух типов. Первый – это рассмотрение обращений граждан, связанных с незаконными и необоснованными, по их мнению, действиями, следователя, дознавателя, их руководителей. В рамках реализации таких полномочий прокурор наделён возможностью реагировать и оперативно исправлять выявленные нарушения закона. Второй аспект прокурорского надзора – это изучение материалов уголовного дела при

реализации предусмотренных уголовным процессом процедур (например, при рассмотрении в суде ходатайств следователя о производстве обыска в жилище, при избрании меры пресечения, при изучении обвинительного заключения и материалов уголовного дела направленные прокурору для утверждения обвинительного заключения и т.п.). Текущий баланс роли прокурора на досудебном следствии представляется наиболее оптимальным, поскольку не позволяет последнему, перебирать на себя роль следователя, либо его руководителя. Предоставление прокурору полномочий по инициативной проверке действий следователя или дознавателя, без какого-либо повода для этого, выглядит чрезмерным и исказить роль прокуратуры как надзирающего субъекта.

Таким образом, по итогам рассмотрения второй главы можно предложить следующие выводы.

В рамках настоящей работы в качестве основных механизмов профилактики, предупреждения, выявления и устранения последствий следственных ошибок рассмотрены ведомственный контроль и прокурорский надзор. Каждый из обозначенных элементов борьбы со следственными ошибками обладает своей спецификой, собственными преимуществами и недостатками. При этом должная степень эффективности результатов преодоления следственных ошибок может быть достигнута только при сбалансированном и комплексном задействовании всех рассмотренных элементов борьбы с последними.

Установлено, что ведомственный контроль предполагает под собой в определённой степени «самоконтроль» за правильностью и качеством проводимого досудебного следствия по уголовным делам. Такой контроль в значительной степени достигается за счёт административных средств подчинения и подотчётности следователя своему руководству и реализованным ведомственным возможностям по методическому сопровождению расследования уголовных дел.

Непосредственное влияние на ход и результаты досудебного следствия в рамках ведомственного контроля оказывается через процессуальные полномочия руководителя следственного органа, подразделения, их заместителей. В рамках таких процессуальных полномочий, указанным субъектам предоставлена возможность давать обязательные для следователя указания по расследуемому делу, изучать материалы дела, отменять отдельные процессуальные решения, самостоятельно проводить следственные действия, выносить процессуальные решения и т.п.

Вместе с тем, наличие существенной доли административной составляющей в ведомственном контроле, неизбежно актуализирует проблему полноценной реализации принципа самостоятельности следователя, как одного из основополагающих принципов досудебной стадии уголовного процесса.

Чрезмерный ведомственный контроль с большей долей вероятности приводит к формированию несамостоятельного, безынициативного следователя, не способного взять на себя ответственность за результат расследования, а полагающегося исключительно на оценку результатов его работы руководителем.

Специфика текущей модели прокурорского надзора за досудебным следствием обусловлена существенным ограничением полномочий прокурора по вмешательству на данном этапе в деятельность следователя. Более того, прокурорский надзор как способ выявления и исправления допущенных следователем ошибок, происходит либо на определённых этапах, либо в связи с поступлением обращений участников уголовного судопроизводства, выявление таких сообщений в СМИ или иным образом, относительно возможного нарушения законности при производстве по уголовному делу. Такая модель прокурорского надзора водиться наиболее оптимальной, поскольку позволяет чётко определить роль прокурора на досудебной стадии, исключить перетягивания на себя функций по непосредственному расследованию уголовного дела.

Глава 3 Судебная деятельность как механизм выявления, устранения и предупреждения следственных ошибок

В первую очередь, отметим пределы понятия судебного контроля, которые будут применены в рамках настоящего подраздела. В первую очередь, это судебный контроль на стадии досудебного производства, который, в основном заключается в рассмотрении ходатайств лица, осуществляющего досудебное производство (следователя, дознавателя, их руководителей) а также в рассмотрении жалоб других участников судопроизводства, как правило, на действия лиц осуществляющих досудебное производство. Второй аспект такого контроля, это деятельность суда по осуществлению возложенной на него функции по рассмотрению уголовного дела, поступившего в суд. В рамках этого, суду предоставлены полномочия по возвращению дела прокурору для устранения причин не позволяющих рассмотреть его по существу, а также прочие полномочия, которые прямо или косвенно могут исправлять следственные ошибки. Кроме того, суду предоставлено право выносит так называемые частные определения в предусмотренных законом случаях, которые также допустимо интерпретировать как средство устранения следственных ошибок. Рассмотрим обозначенные полномочия подробнее.

Отметим, что в период досудебного следствия судебный контроль, в первую очередь, направлен на защиту нарушенных, либо необоснованно ограниченных прав и свобод граждан. Как правило, досудебное производство связано с проведением следственных и процессуальных действий, такие, как допросы, приводы, избрание меры пресечения связанной с ограничением прав и свобод граждан, наложение ареста на имущество как лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, так и иных лиц, в т.ч. юридических.

В результате проведённого анализа, установлено, что в ходе уголовного производства подлежат ограничению, прежде всего, конституционные права и

свободы граждан, то есть наиболее важные. Анализ положений Конституции РФ показывает, что потенциально в ходе уголовного судопроизводства, в результате допущения следственной ошибки, могут быть нарушены права на равенство перед законом и судом, запрет дискриминации (ч.ч. 1 и 2 ст. 19 Конституции РФ), достоинство личности, запрет подвергаться пыткам, насилию или иному отношению, унижающему человеческое достоинство (ч.ч. 1 и 2 ст. 21 Конституции РФ), права на свободу и личную неприкосновенность, судебный порядок ареста и заключения под стражу, запрет задержания без судебного решения на срок более 48 часов (ст. 22 Конституции РФ), неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, право на тайну переписки и иного частного общения (ч.ч. 1 и 2 ст. 23 Конституции РФ), право на неприкосновенность жилища и прочие (ст. 25 Конституции РФ), право на свободу передвижения (ст. 27 Конституция РФ) [25] и т.п.

Что касается уголовного процесса, то УПК РФ, будучи нормативно-правовым актом меньшей юридической силой подчинённым её положениям, должна в полной мере соответствовать положениям Конституции РФ, в т.ч. в части прав и свобод граждан. Положения о правах и свободах граждан закреплены во второй главе УПК РФ, они либо соответствуют положениям Основного закона, либо дополняют и детализируют их.

В целях устранения допущенных следственных ошибок либо сознательных нарушений закона в части необоснованного ограничения прав и свобод граждан в уголовном процессе, среди прочего, предусмотрен механизм судебного контроля в форме обжалования действий следователя, дознавателя и прочих участников процесса со стороны обвинения (глава 16 УПК РФ). Судебный контроль в данном случае происходит только и исключительно по инициативе лиц, права и законные интересы которых были затронуты, либо по инициативе их представителей. Суд не имеет возможности самостоятельно вмешиваться в ходе досудебного производства [39]. В подтверждение этого, укажем также на Т.А. Беккера, который полагает, что «суд на досудебном

производстве не может инициировать контроль законности действий и решений, в частности, обвинительной власти, поскольку это прерогатива прокурора. Он реализует функцию судебного контроля выборочно, не вторгаясь в сферу деятельности прокурора, и тем более – не дублируя его полномочия, что лишь придает предварительному производству большую объективность, учитывая абсолютную беспристрастность суда» [5, с. 18-19].

Анализ положений ч. 1 ст. 125 УПК РФ показывает, что судебному обжалованию подлежат не все решения и действия следователя, дознавателя и их руководителей, а только те, которые соответствуют определённым критериям [58]. Во-первых, это определённые решения, выносимые в форме постановления, а именно: об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении уголовного дела. Кроме того, могут быть обжалованы другие решения, действия или бездействия, которые могут затруднить доступ граждан к правосудию, либо нанесли или потенциально могут нанести ущерб их конституционным правам и свободам.

Отдельные неясные и спорные вопросы применения норм УПК РФ по рассмотрению судами жалоб на действия следователя либо дознавателя при производстве предварительного расследования, разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [35] (далее – постановление Пленума ВС РФ № 1/2009). В связи с этим, обратим внимание на п. 1 указанного постановления, согласно которого рассмотрение жалобы осуществляется в открытом судебном заседании на принципах состязательности.

Важными положениями постановления Пленума ВС РФ № 1/2009 является то, что в последнем определяется приблизительный круг других решений, действий или бездействий должностных лиц со стороны обвинения, которые могут быть обжалованы в суде в порядке ст. 125 УПК РФ. Так, согласно п. 2 указанного постановления, это могут быть решение о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица (поскольку

фактически в отношении последнего с этого момента осуществляется уголовное преследование), об отказе в назначении защитника, об избрании меры пресечения, в т.ч. заключение под стражу, домашний арест, применения других мер принуждения и т.п. Осуществляется и попытка определить критерии других решений, действий или бездействий, которые затрудняют доступ граждан к правосудию. Согласно позиции Пленума ВС это могут быть такие действия, которые не допускают гражданина или юридическое лицо к участию в уголовном процессе, т.е. лицо лишено возможности защищать свои права и законные интересы. Например, это отказ в признании потерпевшим, отказ в приёме сообщения о преступлении, приостановление предварительного следствия и т.п.

Отметим, что вышеуказанное постановление Пленума ВС РФ № 1/2009 даёт только общие ориентиры по кругу решений действий и бездействий, которые могут быть обжалованы. Возможность обжалования иного, непоименованного решения, действий или бездействия определяется судом в конкретном случае с учётом обстоятельств сложившейся ситуации. По отдельным вопросам, связанным с таким обжалованием, заинтересованные лица обращались в конституционный Суд РФ (далее – КС РФ). Так, в одном из постановлений КС РФ [47] была установлена возможность обжалования в суд бездействий следователя в части непринятия решения о прекращении уголовного преследования и признании права на реабилитацию в случаях, когда лицо изначально задержанное, после освобождения из-под стражи, допрашивается в качестве свидетеля. По мнению КС РФ, положения ч. 1 ст. 125 УПК РФ которые устанавливают основания для обжалования позволяют рассматривать жалобы такого рода.

Охарактеризуем общий порядок рассмотрения жалобы судом заключающийся в следующем. Жалоба подаётся либо непосредственно в суд, либо через следователя, дознавателя, руководителя следственного органа или органа дознания. Поступившая в суд жалоба должна быть рассмотрена в течении пяти суток в судебном заседании. В судебном заседании может

присутствовать заявитель, а также должны явиться прокурором, следователь, либо руководитель следственного органа. Если указанные лица были своевременно извещены о месте и времени судебного заседания и если последние не настаивают на рассмотрении жалобы с их участием, то судебное заседание проводится в их отсутствии.

Отдельно стоит вопрос об участии в судебном заседании лица, которые задержан, заключён под стражу, либо отбывает наказание в местах лишения свободы. Однозначных предписаний на этот счёт в ст. 125 УПК РФ не содержится. Конституционный Суд РФ в своём определении от 19.05.2009 г. № 576 указал, что по смыслу данной нормы, суд должен обеспечить лица, которое содержится под стражей возможность принимать в нём участие одним из возможных способов: личное участие, видеоконференцсвязь. В т.ч. такое участие должно позволять содержащемуся под стражей ознакомиться с материалами рассматриваемого дела и возможность довести до суда свою позицию по жалобе. Такие правила, по мнению Конституционный Суд РФ, имеют место в случае, если судом может быть принято решения по вопросам, связанным с осуществлением в отношении такого лица уголовного преследования, ограничением его свободы, личной неприкосновенности. В других случаях, когда лицо содержится под стражей, должно быть обеспечено участие в деле защитника или других представителей [45].

Суд при рассмотрении жалобы проверяет законность и обоснованность действий представителей стороны обвинения (дознавателя, следователя, начальника органа дознания, руководителя подразделения дознания, руководителя следственного органа). Таким образом, законность и обоснованность решения, действия или бездействия является предметом судебного контроля как одного из способов исправления следственных ошибок на данном этапе. Отметим, что КС РФ в своём определении от 25.01.2005 г. № 42, указал на обязанность суда исследовать и дать оценку всем доводам, которые приводятся в поданной жалобе, обязанность мотивировки принятого судом по жалобе решения. При этом, такая мотивировка должна

быть достаточной с точки зрения разумности для принятия судом решения по жалобе [44].

По результатам рассмотрения такой жалобы суд принимает одно из двух решения: признать действия или бездействия незаконными и необоснованными и обязать устранить допущенные нарушения, либо отказать в удовлетворении жалобы. Обращает внимание, что суд не должен и не может указывать на то, какие именно действия должностное лицо должен совершить, кроме того, суд сам не совершает такие действия. Например, при обжаловании постановления о возбуждении уголовного дела, если его возбуждение будет признано незаконным, суд самостоятельно уголовное дело не прекращает [19, с. 67]. Такое действие должен совершить следователь в производстве которого находится уголовное дело во исполнение предписания суда об устранении допущенного нарушения.

Далее обратим внимание на полномочия суда по вынесению частных определений, которые предусмотрены в ч. 4 ст. 29 УПК РФ. Обозначенная норма предполагает право суда при рассмотрении уголовного дела, вынести частное определение или постановление, в том числе в случае выявления нарушений закона, которые были допущены при производстве дознания, предварительного следствия. В данном определении или постановлении суд должен указать на допущенные нарушения закона, а также потребовать принятия необходимых мер. В частности, указывается, что «суд вправе вынести частное постановление или определение, в котором обращает внимание должностных лиц на выявленные обстоятельства и нарушения закона, которые требуют принятия необходимых мер» [20, с. 125].

Закон не раскрывает какие это меры, однако, по смыслу данной нормы, это меры, направленные на исправление допущенного нарушения закона, на недопущение подобных нарушений в будущем, а также на наказание лиц виновных в допущении таких нарушений (в нашем случае – ошибок), если для этого имеются законные основания. Конкретный перечень принятых по результатам рассмотрения такого постановления или определения не может

быть урегулирован законодательно, он зависит от специфики допущенного нарушения, нормативного регулирования служебной деятельности следователя, пределов усмотрения его руководителя и прочих обстоятельств.

Анализ судебной практики по вопросу вынесения таких частных определений и постановлений, показывает, что все они должны быть мотивированными, в последних должны быть указано на то, какие именно ошибки, связанные с нарушением закона в действиях следователя или иных должностных лиц, были выявлены и установлены в ходе судебного разбирательства. Более того, важным обстоятельством является то, что такое определение или постановление может быть вынесено только в ходе судебного разбирательства, что также должно быть зафиксировано в протоколе судебного разбирательства. Вышестоящие судебные инстанции, как правило, отменяют те частные определения и постановления, которые не содержат указаний на то, какие именно нарушения закона в действиях следователя были установлены. Такая позиция судов, проверяющих законность и обоснованность вынесенных судами частных определений и постановлений, совпадает с разъяснениями данными в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.09.1987 г. № 5, согласно которого, суд в таких случаях должен излагать «существо вскрытых недостатков, ошибок и упущений, указывает на связь между ними и совершенным преступлением или иным правонарушением и предлагает принять необходимые меры к их устранению» [33]. Кроме того, признаются незаконными и подлежат отмене те частные определения, информация о вынесении которых не содержится в протоколе судебного заседания. В последних случаях апелляционные суды приходят к выводу о том, что соответствующее определение или постановление было вынесено за пределами судебного разбирательства, что является грубым нарушением закона [1], [40].

Анализ законодательных положений, позиции Пленума ВС РФ и решений судов по конкретным делам показывает, что вынесение частного определения или постановления является правом, но не обязанностью суда.

Это обстоятельство позволяет утверждать, что суд имеет право и не выносить частное определение даже если в ходе судебного разбирательства с достаточной достоверностью будет установлена следственная ошибка или даже преднамеренное нарушение закона. Представляется, что данное положение не верно и позволяет «закрывать» глава на нарушения законодательства следователем при производстве по уголовному делу, выборочно подходить к вопросу устранения допущенных нарушений системного характера.

В связи с этим, представляется, что в УПК РФ должны быть внесены изменения, обязывающие суд, который установил в ходе судебного разбирательства нарушения закона, вынести соответствующее определение или постановление, осуществив таким образом свой вклад в укрепление законности и правопорядка способом исправления системных и наиболее повторяющихся ошибок при производстве предварительного следствия.

Следующая форма реализации судебного контроля в части выявления следственных ошибок заключается в проведении предварительного слушания в ходе которого может решаться широкий спектр вопросов, в частности, вопрос о признании полученного следователем доказательства недопустимым, вопрос о возвращении уголовного дела прокурору в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ [58] и т.п. Анализ норм о проведении предварительного слушания показывает, что в них заложен потенциал по исправлению ошибок допущенных на предварительном следствии, что позволяет не допустить их трансформацию в ошибки, допущенные уже судом при вынесении итогового решения по делу.

В результате проведенного Т.А. Беккер исследования, последний пришёл к выводу об ошибочности не предоставления суду права принимать самостоятельное решение вернуть дело прокурору для организации дополнительного расследования, что существенно затрудняет достижения цели доказывания. Так, «с одной стороны делается акцент на беспристрастности и объективности судьи, с учетом включения в перечень

оснований для возвращения уголовного дела прокурору исправления организационных ошибок предварительного производства (п.п. 1, 2, 4, 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ), и, в то же время, суду предоставляется право по собственной инициативе воспользоваться обсуждаемым полномочием при выявлении необходимости составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера (п. 3 ч. 1 ст. 237 УПК РФ)» [5, с. 19]. По мнению учёного, «инициативная роль суда именно в этом случае гармонично согласуется с его предназначением и удовлетворяет, как цели доказывания – достижению объективной истины, так, и цели всего уголовного процесса - вынесению правосудного решения. В данном случае, грамотная и последовательная реализация упомянутых полномочий суда в состоянии привести к обнаружению и исправлению ошибок предварительного следствия, что существенно «оздоровит» доказательственную базу по уголовному делу, минимизируя вероятность совершения судебной ошибки» [5, с. 19].

В результате проведённого анализа относительно роли судебного контроля в вопросе исправления допущенных на досудебной стадии ошибок (нарушений закона), то последний заключается в рассмотрении законности и обоснованности ходатайств стороны обвинения о проведении следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, об избрании мер пресечения, об аресте активов, а также жалоб со стороны лиц, подвергнутых уголовному преследованию на неправомерные действия стороны обвинения.

Анализ научных источников показывает, что исправление следственных ошибок может происходить и на судебных стадиях уголовного процесса, при рассмотрении дела по существу, в апелляционной и кассационной инстанции [42]. Как показывает анализ УПК РФ, у суда имеется довольно широкий круг полномочий по исправлению ошибок и прочих недостатков при производстве предварительного расследования, однако большая их часть реализуется

исключительно при наличии соответствующего ходатайства от заинтересованной стороны. Во многих из рассмотренных исследований предполагается, что отсутствие у суда возможностей по своей инициативе исправлять такие ошибки, вынося обязательные решения является недостатком действующего законодательства.

Учитывая вышеизложенное, можно согласиться с выводом о том, что «самостоятельные полномочия суда в устранении ошибок и противоречий, присутствующих в системе доказательств, весьма ограничены, в абсолютном большинстве случаев, решения об их устранении поставлены в прямую зависимость от желания сторон, что далеко не всегда правильно. Фактически, суд, в связи с этим, лишен возможности самостоятельно исправить уже выявленную ошибку, что не может соответствовать назначению уголовного процесса, закрепленному в ст. 6 УПК РФ, поскольку создает препятствия вынесению объективного и правосудного судебного решения» [31, с. 84].

Таким образом, по итогам третьей главе можно сделать следующие выводы.

В результате проведённого анализа относительно роли судебного контроля в вопросе исправления допущенных на досудебной стадии ошибок, пришли к выводу, что последний заключается в рассмотрении законности и обоснованности ходатайств стороны обвинения о проведении следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, об избрании мер пресечения, об аресте активов, а также жалоб со стороны лиц, подвергнутых уголовному преследованию, на неправомерные действия стороны обвинения. Можно сделать вывод о том, что самостоятельные полномочия суда в устранении ошибок и противоречий, присутствующих в системе доказательств, весьма ограничены, в абсолютном большинстве случаев, решения об их устранении поставлены в прямую зависимость от желания сторон, что далеко не всегда правильно. Фактически, суд, в связи с этим, лишен возможности самостоятельно исправить уже выявленную ошибку, что не может соответствовать назначению уголовного процесса,

закрепленному в ст. 6 УПК РФ, поскольку создает препятствия вынесению объективного и правосудного судебного решения.

В целях устранения выявленных недостатков ведомственного, прокурорского и судебного контроля за преодолением следственных ошибок, разработан ряд предложений по совершенствованию действующего законодательства. Предлагается дополнить ст. 5 УПК РФ законодательным определением следственной ошибки в указанной выше интерпретации, а также дополнить положения действующего уголовно-процессуального законодательства, предусмотрев в нем возможные последствия при допущении следственных ошибок, например, признание принятого решения, содержащего следственную ошибку, незаконным и необоснованным.

Также сделан вывод о необходимости закрепления в действующем УПК РФ действенного механизма разрешения разногласий между следователем и руководителем следственного органа относительно принятия решений по уголовным делам, для чего ст. 38 УПК РФ дополнить частью 4 следующего содержания: «4. В случае несогласия следователя с письменными указаниями данными руководителем следственного органа, в том числе с объёмом обвинения и правильной квалификацией, с решением о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, с приостановлением производства по уголовному делу и с прочими решениями по уголовному делу, следователь в письменной форме уведомляет об этом своего руководителя, либо вышестоящего руководителя. В случае, если по результатам рассмотрения обоснованной позиции следователя, данные ему указания оставлены в силе, то соответствующее процессуальное решение в обязательном порядке, кроме следователя, утверждается и руководителем давшим соответствующие указания».

Заключение

В результате написания данной работы, была достигнута её цель, а именно, в результате произведённого исследования разработаны дальнейшие предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части совершенствования средств и способов предупреждения и исправления следственных ошибок, что позволило сделать определённые выводы и предложения:

В ходе рассмотрения вопроса о понятии следственной ошибки, установлении их существа, был сделан вывод о том, что феноменом такого явления является неизбежность в ходе практической деятельности по расследованию преступлений возникновения следственных ошибок. В связи с этим, необходимо различать «идеальную» модель уголовного судопроизводства, которая предполагает точное и неукоснительное соблюдение законодательства при производстве по уголовному делу, которое не предполагает ошибочного применения норм уголовно-процессуального и уголовного законодательства.

В ходе дальнейших попыток дать определения понятия следственной ошибки, в результате проведённого анализа уголовно-процессуального законодательства и доктринальных воззрений на этот счёт, установлены следующие признаки следственных ошибок: ошибки фиксируются и «закрепляются» в предусмотренных УПК РФ процессуальных формах (документах); ошибки в уголовном судопроизводстве имеют латентный скрытый характер; ошибки могут быть выявлены как стороной защиты, так и стороной обвинения, судом в ходе осуществления судебного контроля; структура ошибки в уголовном процессе состоит из самой ошибки и её последствий.

Исходя из обозначенного, сделан вывод о том, что следственная ошибка – это не являющееся преступлением действие или бездействие лица осуществляющего производство по уголовному делу, нарушающее закон,

обладающее признаками необоснованности, нецелесообразности, противозаконности, а также наступившие в результате указанных действий или бездействий последствия, тем или иным образом, создающие препятствие для достижения установленных целей уголовного судопроизводства и влекущие за собой, установленные в законодательстве юридически-значимые последствия. Наиболее нежелательным возможным последствием допущенной ошибки в уголовном судопроизводстве будет являться осуждение человека за преступление, которое он не совершал, то есть осуждение невиновного.

Также был сделан вывод о том, что отсутствие в действующем уголовно-процессуальном законодательстве положений относительно следственных ошибок негативно сказывается на качестве и эффективности правовых средств, направленных на их предупреждение, выявление и устранение. В связи с этим, был разработан ряд предложений по совершенствованию УПК РФ в части включения в него норм, составляющих уголовно-процессуальный институт следственных ошибок.

В ходе рассмотрения вопроса относительно существующих видов следственных ошибок, установлено, что они могут быть классифицированы по различным критериям.

В попытке определить причины следственных ошибок был проанализирован ряд факторов следственной деятельности, позиции учёных по этому вопросу. Учитывая, что феномен существования следственных ошибок обусловлен человеческим фактором, установлено, что ошибки допускаются всеми, иногда даже опытными и теоретически подготовленными сотрудниками. В целом причины следственных ошибок можно разделить на личностные (связанные с личностью следователя), организационные (недостатки в организации работы следователя, следственного подразделения в целом), недостаток предусмотренных механизмов контроля и надзора за законностью досудебного следствия (недостатки механизмов контроля и

надзора в части выявления ошибок, которые также могут быть обусловлены допущенными ошибками субъектов такого надзора и контроля).

В рамках настоящей работы в качестве основных механизмов профилактики, предупреждения, выявления и устранения последствий следственных ошибок предусмотрены три элемента: ведомственный контроль, прокурорский надзор и судебный контроль. Каждый из обозначенных элементов борьбы со следственными ошибками обладает своей спецификой, собственными преимуществами и недостатками. При этом должная степень эффективности результатов преодоления следственных ошибок может быть достигнута только при сбалансированном и комплексном задействовании всех рассмотренных элементов борьбы с последними.

Установлено, что ведомственный контроль предполагает под собой в определённой степени «самоконтроль» за правильностью и качеством проводимого досудебного следствия по уголовным делам. Такой контроль в значительной степени достигается за счёт административных средств подчинения и подотчётности следователя своему руководству и реализованным ведомственным возможностям по методическому сопровождению расследования уголовных дел.

Непосредственное влияние на ход и результаты досудебного следствия в рамках ведомственного контроля оказывается через процессуальные полномочия руководителя следственного органа, подразделения, их заместителей. В рамках таких процессуальных полномочий, указанным субъектам предоставлена возможность давать обязательные для следователя указания по расследуемому делу, изучать материалы дела, отменять отдельные процессуальные решения, самостоятельно проводить следственные действия, выносить процессуальные решения и т.п.

Вместе с тем, наличие существенной доли административной составляющей в ведомственном контроле, неизбежно актуализирует проблему полноценной реализации принципа самостоятельности следователя, как одного из основополагающих принципов досудебной стадии уголовного

процесса. Чрезмерный ведомственный контроль с большей долей вероятности приводит к формированию несамостоятельного, безынициативного следователя, не способного взять на себя ответственность за результат расследования, а полагающегося исключительно на оценку результатов его работы руководителем.

Специфика текущей модели прокурорского надзора за досудебным следствием обусловлена существенным ограничением полномочий прокурора по вмешательству на данном этапе в деятельность следователя. Более того, прокурорский надзор как способ выявления и исправления допущенных следователем ошибок, происходит либо на определённых этапах, либо в связи с поступлением обращений участников уголовного судопроизводства, выявление таких сообщений в СМИ или иным образом, относительно возможного нарушения законности при производстве по уголовному делу. Такая модель прокурорского надзора видится наиболее оптимальной, поскольку позволяет чётко определить роль прокурора на досудебной стадии, исключить перетягивания на себя функций по непосредственному расследованию уголовного дела.

В результате проведённого анализа относительно роли судебного контроля в вопросе исправления допущенных на досудебной стадии ошибок, пришли к выводу, что последний заключается в рассмотрении законности и обоснованности ходатайств стороны обвинения о проведении следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, об избрании мер пресечения, об аресте активов, а также жалоб со стороны лиц, подвергнутых уголовному преследованию на неправомерные действия стороны обвинения. Можно сделать вывод о том, что самостоятельные полномочия суда в устранении ошибок и противоречий, присутствующих в системе доказательств, весьма ограничены, в абсолютном большинстве случаев, решения об их устранении поставлены в прямую зависимость от желания сторон, что далеко не всегда правильно. Фактически, суд, в связи с этим, лишен возможности самостоятельно исправить уже выявленную

ошибку, что не может соответствовать назначению уголовного процесса, закрепленному в ст. 6 УПК РФ, поскольку создает препятствия вынесению объективного и правосудного судебного решения.

В целях устранения выявленных недостатков ведомственного, прокурорского и судебного контроля за преодолением следственных ошибок, разработан ряд предложений по совершенствованию действующего законодательства. Предлагается дополнить ст. 5 УПК РФ законодательным определением следственной ошибки в указанной выше интерпретации, а также дополнить положения действующего уголовно-процессуального законодательства, предусмотрев в нем возможные последствия при допущении следственных ошибок, например, признание принятого решения, содержащего следственную ошибку, незаконным и необоснованным.

Также сделан вывод о необходимости закрепления в действующем УПК РФ действенного механизма разрешения разногласий между следователем и руководителем следственного органа относительно принятия решений по уголовным делам, для чего ст. 38 УПК РФ дополнить частью 4 следующего содержания: «4. В случае несогласия следователя с письменными указаниями данными руководителем следственного органа, в том числе с объёмом обвинения и правильной квалификацией, с решением о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, с приостановлением производства по уголовному делу и с прочими решениями по уголовному делу, следователь в письменной форме уведомляет об этом своего руководителя, либо вышестоящего руководителя. В случае, если по результатам рассмотрения обоснованной позиции следователя, данные ему указания оставлены в силе, то соответствующее процессуальное решение в обязательном порядке, кроме следователя, утверждается и руководителем давшим соответствующие указания».

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционное определение Калужского областного суда по делу № 22-960/2019 от 26.03.2019 // Консультант Плюс: справочно-поисковая система.
2. Ахпанов А.Н., Ахмеджанов Ф.Р. О соотношении прокурорского надзора и ведомственного процессуального контроля в досудебном уголовном производстве // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2018. № 4. С. 99-107.
3. Бахтеев Д.В. Понятие и признаки следственных ошибок с позиции ситуационного подхода // Российский юридический журнал. 2017. № 2. С. 56-58.
4. Безлепкин Б.Т. Настольная книга следователя и дознавателя: учебное пособие 4-е издание. М. : Проспект, 2018. 256 с.
5. Беккер Т.А. Установление истины как основа предотвращения судебных ошибок в уголовном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2017. 184 с.
6. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. 530 с.
7. Боруленков Ю.П. Правовые ошибки: постановка проблемы // Российский следователь. 2014. № 7. С. 46-51.
8. Булатов Б.Б. Уголовный процесс. Омск : Изд-во Юрайт, 2015. 540 с.
9. Бушковская Е.Н. Надзор прокурора за процессуальной деятельностью следователя и дознавателя в досудебном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2011. 188 с.
10. Быков В.М. О процессуальной самостоятельности следователя в российском уголовном процессе // Российская юстиция. 2017. № 8. С. 59-61.
11. Власов В.И. Проблемы качества расследования преступлений и пути их решения: автореф. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1991. 34 с.

12. Гаврилов Б.Я. Прокурор в современном уголовном судопроизводстве: позиция ученого и мнение правоприменителя // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 33-39.

13. Головачев Ю.А. Следственные ошибки и способы их устранения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 4. С. 13-16.

14. Головин А.Ю. Дефиниция следственных ошибок // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2015. № 1-2. С. 14-16.

15. Горюнов В.В. Процессуальная самостоятельность следователя в свете реформы следственного аппарата // Российский следователь. 2012. № 19. С.13-16.

16. Дармаева В.Д. Проблема соотношения процессуального контроля и процессуальной самостоятельности следователя // Публичное и частное право. 2011. № I (IX). С. 148-149.

17. Даровских С.М. Некоторые вопросы осуществления ведомственного контроля при производстве предварительного расследования // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 4. С. 26-30.

18. Дегтярев С.В. Криминалистическая тактика (через призму следственных ошибок) : Курс лекций. Н. Новгород, 2009. 340 с.

19. Зажицкий В.И. Прокурор в уголовном процессе // Государство и право. 2016. № 6. С. 65-67.

20. Захарова О.В. Внесение представлений следователем (через призму следственных ошибок // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 2. С. 123-128.

21. Идрисов О.Р. Полномочия кассационной инстанции по выявлению и устранению судебных ошибок в уголовном процессе России: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Томск, 2012. 24 с.

22. Карякин Е.А. Феномен «судебной ошибки» в уголовно-процессуальной деятельности суда // Российская юстиция. 2011. № 2. С. 53-57.

23. Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. СПб. : ИД СПбГУ, 2007. 144 с.

24. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. О.С. Капинус. М. : «Проспект», 2020. 1136 с.

25. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144.

26. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970. 113 с.

27. Малиненко М.К. Баланс судебного контроля, прокурорского надзора и ведомственного контроля как условие законности предварительного следствия // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 4. С. 90-94.

28. Мкртчян В.Г. Процессуальная самостоятельность следователя // Право: история, теория, практика: материалы III междунар. науч. конф. СПб, 2015. С. 128-132.

29. Назаров А.Д. Проблемы следственных ошибок в досудебных стадиях уголовного процесса (по материалам Средне-Сибирского региона): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 187 с.

30. Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки при заключении под стражу // Российская юстиция. 2010. № 4. С 15-16.

31. Назаров А.Д. Феномен ошибки в уголовном судопроизводстве и ее причины: Монография. М., 2014. 177 с.

32. Новикова А.А. Соотношение прокурорского надзора и судебного контроля по уголовным делам // Символ науки. 2018. № 6. С. 99-104.

33. О повышении роли судов в выполнении требований закона, направленных на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 1 сентября 1987 г. № 5 (в ред. от 06.02.2007) // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1987. № 12.

34. О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 01.11.2011 № 373. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents/normative-act?item=1730697> (дата обращения: 13.04.2022).

35. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (в ред. от 29.11.2016) // Бюллетень ВС РФ. 2009. № 4.

36. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I (в ред. от 01.07.2021) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.

37. Об объёме процессуальных полномочий : приказ ФСБ Российской Федерации от 28.11.2019 № 58. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/more.htm%21id%3D10434568%40fsbNpa.html> (дата обращения: 13.04.2022).

38. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генерального прокурора РФ от 02.06.2011 № 162 // Законность. 2011. № 11.

39. Обзор Судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2020) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 ноября 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 3.

40. Обзор судебной практики судебной коллегии по уголовным делам за 3 квартал 2019 года: утв. постановлением президиума Калужского областного суда от 18 декабря 2019. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/73441955/paragraph/427/doclist/5926/showentries/0:0> (дата обращения: 13.04.2022).

41. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26.01.2017 № 33. URL: <http://docs.cntd.ru/document/456042399> (дата обращения: 13.04.2022).

42. Огородов А.Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве. Иркутск: Ун-т прокуратуры Российской Федерации, 2018. 173 с.

43. Олефиренко Т.Г. Ведомственный процессуальный контроль как основное средство руководителя следственного органа по обеспечению законности предварительного расследования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2, ч. 2. С. 148-150.

44. Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2005 г. № 42-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.

45. Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 576-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 6.

46. Пермяков А.Л. Следственная ошибка: к вопросу об определении понятия // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 3. С. 71-74.

47. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 ноября 2017 г. № 30-П // Собрание законодательства РФ. 2017. № 49. Ст. 7528.

48. Пучковская М.Е. Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. 26 с.

49. Решетников А.Ю. Квалификационные ошибки: сущность, классификация и причины // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 90-93.

50. Слинько С.В. Следственные ошибки в уголовном процессе // Вестник ОГУ. 2006. № 3. С. 170-174.

51. Спешилова Т.С. Процессуальная самостоятельность следователя // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4. С. 176-178.

52. Степанова Н.А. Классификация ошибок, допускаемых при производстве по уголовным делам // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1. С. 23-30.

53. Стрельников В.В. Понятие и основное содержание целей и задач управленческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8. С. 169-181.

54. Табаков С.А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. 28 с.

55. Терехова Л.А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 38 с.

56. Ткачева Н.В., Зимин М.А. Процессуальный статус и процессуальная самостоятельность следователя // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2017. № 3. С. 19-24.

57. Тушев А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Краснодар, 2006. 182 с.

58. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022, с изм. от 19.05.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

59. Цветков Ю.А. О феномене следственной ошибки // Журнал прикладных исследований. 2021. № 3. С. 56-61.

60. Шевченко С.В. Ошибка в уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. С. 112-114.

61. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. 240 с.

62. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М. : Норма, 2013. 322 с.

63. Щерба А.А. Участие адвоката в предупреждении и исправлении судебных ошибок в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 28 с.

64. Kletz, T. Some Common Errors in Accident Investigations // 2011. No 31. Iss. 1. Pp. 4-13.

65. Ovchinnikova, N., Glazkov, A., Vodolazskaya, T. Investigation of errors during forensic environmental examination // Economy and ecology of territorial educations. 2022. No 5. Pp. 59-66.

66. Strauch, B. Investigating Human Error. Incidents, Accidents, and Complex Systems. 2nd Ed. London: CRC Press, 2017. 343 p.

67. Rossmo, K. Failures in Criminal Investigation // Police Chief. 2009. Vol. 76. Iss. 10 Pp. 54-66.

68. Vernon, J.G. 10 Most Common Errors in Death Investigations // Law and Order. 2007. Vol. 55. No. 11 // <https://www.practicalhomicide.com/Research/LOmar2007-3.htm>.